

Пеппи Длинныйчулок

Автор:

Астрид Линдгрен

Пеппи Длинныйчулок

Астрид Линдгрен

Героиня сказочной повести Астрид Линдгрен Пеппи Длинныйчулок – великая фантазёрка и выдумщица. Рядом с ней никому не хочется становиться взрослым. У неё даже есть пилюли, которые помогают детям не взрослеть. Да и зачем, если «взрослых вечно донимают мозоли, налоги и всякие другие неприятности»?! И хотя порой Пеппи ведёт себя очень странно, она самая добрая, самая удивительная, самая лучшая девочка на свете.

В книге использованы оригинальные рисунки замечательной художницы Ингрид Ванг Нюман, которые создавались в сотрудничестве с самой писательницей. Именно с этими иллюстрациями книга «Пеппи Длинныйчулок» впервые вышла в свет и стала бестселлером.

Астрид Линдгрен

Пеппи Длинныйчулок

ASTRID LINDGREN

Pippi L?ngstrump, 1945

Pippi L?ngstrump g?r ombord, 1946

Pippi L?ngstrump i S?derhavet, 1948

First published in 1945, 1946, 1948 by Raben & Sjögren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren 1945, 1946, 1948 / The Astrid Lindgren Company

© Illustrations by: Ingrid Vang Nyman / The Astrid Lindgren Company

© Лунгина Л. З., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Оформление, издание на русском языке

* * *

Пеппи поселяется в вилле «Курица»

Как Пеппи поселилась в вилле «Курица»

На окраине одного маленького шведского городка вы увидите очень запущенный сад. А в саду стоит почерневший от времени ветхий дом. Вот в этом-то доме и живёт Пеппи Длинныйчулок. Ей исполнилось девять лет, но, представьте себе, живёт она там совсем одна. У неё нет ни папы, ни мамы, и, честно говоря, это имеет даже свои преимущества – никто не гонит её спать как раз в самый разгар игры и никто не заставляет пить рыбий жир, когда хочется есть конфеты.

Прежде у Пеппи был отец, и она его очень любила. Мама, конечно, у неё тоже когда-то была, но Пеппи её уже совсем не помнит. Мама умерла давно, когда Пеппи была ещё крошечной девочкой, лежала в коляске и так ужасно кричала, что никто не решался к ней подойти. Пеппи уверена, что её мама живёт теперь на небе и смотрит оттуда сквозь маленькую дырочку на свою дочку. Поэтому Пеппи часто машет ей рукой и всякий раз приговаривает:

– Не бойся, мама, я не пропаду!

Зато отца своего Пеппи помнит очень хорошо. Он был капитаном дальнего плавания, его корабль бороздил моря и океаны, и Пеппи никогда не разлучалась с отцом. Но вот однажды, во время сильного шторма, огромная волна смыла его в море, и он исчез. Но Пеппи была уверена, что в один прекрасный день её папа вернётся, она никак не могла себе представить, что он утонул. Она решила, что отец попал на остров, где живёт много-много негров, стал там королём и день-деньской расхаживает с золотой короной на голове.

– Мой папа – негритянский король! Не всякая девочка может похвастаться таким удивительным папой, – частенько повторяла Пеппи с видимым удовольствием. – Когда папа построит лодку, он приедет за мной, и я стану негритянской принцессой. Гей-гоп! Вот будет здорово!

Этот старый дом, окружённый запущенным садом, отец купил много лет назад. Он собирался поселиться здесь с Пеппи, когда состарится и уже не сможет водить корабли. Но после того как папа исчез в море, Пеппи отправилась прямёхонько в свою виллу «Курица», чтобы там дожидаться его возвращения. Вилла «Курица» – так назывался этот старый дом. В комнатах стояла мебель, в кухне висела утварь – казалось, всё специально приготовили, чтобы Пеппи

могла здесь поселиться. Однажды тихим летним вечером Пеппи простилась с матросами на папином корабле. Все они так любили Пеппи, и Пеппи так любила их всех, что расставаться было очень грустно.

– Прощайте, ребята! – сказала Пеппи и поцеловала поочерёдно каждого в лоб. – Не бойтесь, я не пропаду!

Только две вещи взяла она с собой: маленькую обезьянку, которую звали Господин Нильсон – она получила её в подарок от папы, – да большой чемодан, набитый золотыми монетами. Все матросы выстроились на палубе и печально глядели вслед девочке, пока она не скрылась из виду. Но Пеппи шла твёрдым шагом и ни разу не оглянулась. На плече у неё восседал Господин Нильсон, а в руке она несла чемодан.

– Ушла одна... Странная девочка... Да разве её удержишь! – сказал матрос Фри?дольф, когда Пеппи исчезла за поворотом, и смахнул слезу.

Он был прав, Пеппи и в самом деле странная девочка. Больше всего поражает её необычайная физическая сила, и нет на земле полицейского, который бы с ней справился. Она могла бы шутя поднять лошадь, если б захотела, – и знаете, она это часто проделывает. Ведь у Пеппи есть лошадь, которую она купила в тот самый день, когда поселилась в своей вилле. Пеппи всегда мечтала о лошади. Лошадь живёт у неё на террасе. А когда Пеппи хочется после обеда выпить там чашечку кофе, она недолго думая выносит лошадь в сад.

По соседству с виллой «Курица» стоит другой дом, тоже окружённый садом. В этом доме живут папа, мама и двое милых ребятшек – мальчик и девочка. Мальчика зовут То?мми, а девочку – А?нника. Это славные, хорошо воспитанные и послушные дети. Томми никогда ни у кого ничего не выпрашивает и без пререканий выполняет все мамины поручения. Анника не капризничает, когда не получает того, что хочет, и всегда выглядит такой нарядной в своих чистеньких накрахмаленных ситцевых платьицах. Томми и Анника дружно играли в своём саду, но всё-таки им не хватало детского общества, и они мечтали найти себе товарища для игр. В то время, когда Пеппи ещё плавала со своим отцом по морям и океанам, Томми и Анника иногда залезали на забор, отделяющий сад виллы «Курица» от их сада, и всякий раз говорили:

– Как жаль, что никто не живёт в этом доме. Вот было бы здорово, если б здесь поселился кто-нибудь с детьми.

В тот ясный летний вечер, когда Пеппи впервые переступила порог своей виллы, Томми и Анники не было дома. Мама отправила их погостить недельку у бабушки. Поэтому они и понятия не имели о том, что кто-то поселился в соседнем доме. Они вернулись от бабушки вечером, а наутро стояли у своей калитки, глядели на улицу, ещё ничего не зная, и обсуждали, чем бы им заняться. И вот как раз в тот момент, когда им показалось, что они ничего забавного придумать не сумеют и день пройдёт нудно, как раз в тот момент открылась калитка соседнего дома и на улицу выбежала девочка. Это была самая удивительная девочка из всех, каких когда-либо видели Томми и Анника.

Пеппи Длинныйчулок отправлялась на утреннюю прогулку. Вот как она выглядела: волосы её цвета морковки были заплетены в две тугие косички, торчавшие в разные стороны; нос походил на крошечную картофелину, да к тому же ещё в крапинку – от веснушек; в большом широком рту сверкали белые зубы. На ней было синее платье, но так как синей материи у неё, видно, не хватило, она вшила в него кое-где красные лоскутки. На очень тонкие и худые ноги она натянула длинные чулки разных цветов: один – коричневый, а другой – чёрный. А огромные чёрные туфли, казалось, вот-вот свалятся. Папа купил их ей в Южной Африке на вырост, и Пеппи ни за что не хотела носить другие.

А когда Томми и Анника увидели, что на плече у незнакомой девочки сидит обезьяна, они просто застыли от изумления. Маленькая мартышка была одета в синие брючки, жёлтую курточку и белую соломенную шляпу.

Пеппи пошла вдоль по улице, одной ногой ступая по тротуару, другой – по мостовой. Томми и Анника не спускали с неё глаз, но она исчезла за поворотом. Однако скоро девочка вернулась, но теперь она уже шла задом наперёд. Причём шла она так только потому, что поленилась повернуться, когда надумала возвратиться домой. Поравнявшись с калиткой Томми и Анники, она остановилась. С минуту дети молча глядели друг на друга. Наконец Томми сказал:

- Почему ты пятишься как рак?

- Почему я пячусь как рак? - переспросила Пеппи. - Мы как будто живём в свободной стране, верно? Разве каждый человек не может ходить так, как ему вздумается? И вообще, если хочешь знать, в Египте все так ходят, и никого это ни капельки не удивляет.

- Откуда ты знаешь? - спросил Томми. - Ведь ты не была в Египте.

- Как?! Я не была в Египте?! - возмутилась Пеппи. - Так вот, заруби себе на носу: я была в Египте и вообще я объездила весь свет и вдоволь насмотрелась всяких чудес. Я видела вещи и позабавней, чем люди, которые пятятся как раки. Интересно, что бы ты сказал, если б я прошлась по улице на руках, как ходят в Индии?

- Будет врать-то! - сказал Томми.

Пеппи на минуту задумалась.

- Верно, я вру, - сказала она печально.

- Сплошное враньё! - подтвердила Анника, решившись наконец тоже вставить словечко.

- Ага, сплошное враньё, - согласилась Пеппи, становясь всё более грустной. - Но иногда я начинаю забывать, что было и чего не было. Да и как ты можешь требовать, чтобы маленькая девочка, у которой мама - ангел на небе, а папа - негритянский король на острове в океане, всегда говорила только правду. И к тому же, - добавила она, и вся её веснушчатая мордочка засияла, - во всём Бельгийском Конго не найдётся человека, который сказал бы хоть одно правдивое слово. Целые дни напролёт там все врут. Врут с семи утра и до захода солнца. Так что, если я вам когда-нибудь случайно совру, вы не должны на меня сердиться. Я ведь очень долго жила в этом самом Бельгийском Конго. А подружиться мы всё-таки можем! Верно?

- Ещё бы! - воскликнул Томми и вдруг понял, что нынешний день уж никак нельзя будет назвать нудным.

– Почему бы вам, например, не пойти сейчас ко мне позавтракать? – спросила Пеппи.

– В самом деле, – подхватил Томми, – почему бы нам этого не сделать? Пошли!

– Вот здорово! – завопила Анника. – Идёмте скорее! Идёмте!

– Но прежде я должна познакомить вас с Господином Нильсоном, – спохватилась Пеппи.

При этих словах маленькая обезьянка сняла с головы шляпу и вежливо поклонилась.

Пеппи толкнула обветшалую калитку, и дети двинулись по усыпанной гравием дорожке прямо к дому. В саду росли огромные старые замшелые деревья, прямо созданные для того, чтобы на них лазить. Все трое поднялись на террасу. Там стояла лошадь. Опустив голову в суповую миску, она жевала овёс.

– Слушай, а почему у тебя лошадь стоит на террасе? – изумился Томми. Все лошади, которых он когда-либо видел, жили в конюшнях.

– Видишь ли, – задумчиво начала Пеппи, – на кухне она бы только путалась под ногами, а в гостиной ей было бы неудобно – там слишком много мебели.

Томми и Анника посмотрели на лошадь и вошли в дом. Кроме кухни, в доме были ещё две комнаты – спальня и гостиная. Но, судя по всему, Пеппи целую неделю и не вспомнила об уборке. Томми и Анника с опаской огляделись вокруг – не сидит ли в каком-нибудь углу негритянский король. Ведь они ни разу в жизни не видели негритянского короля. Но дети не обнаружили никаких признаков ни папы, ни мамы.

– Ты здесь живёшь совсем одна? – с испугом спросила Анника.

– Конечно нет! Мы живём втроём: Господин Нильсон, лошадь и я.

– И у тебя нет ни папы, ни мамы?

– Ну да! – радостно воскликнула Пеппи.

– А кто же тебе говорит по вечерам: «Пора ложиться спать»?

– Сама себе говорю. Сперва я говорю себе очень ласковым голосом: «Пеппи, ложись спать». А если я не слушаюсь, то повторяю уже строго. Когда и это не помогает, мне от себя здорово влетает. Понятно?

Томми и Анника никак не могли этого понять, но потом подумали, что, может быть, это не так-то уж плохо.

Дети вошли в кухню, и Пеппи запела:

Скорей сковороду на печь!

Блины мы будем печь.

Мука, и соль, и масло есть,

Мы скоро будем есть!

Пеппи взяла из корзинки три яйца и, подбросив их над головой, разбила одно за другим. Первое яйцо вытекло ей прямо на голову и залепило глаза. Но зато два других ей удалось ловко поймать в кастрюльку.

– Мне всегда говорили, что яйца очень полезны для волос, – сказала она, протирая глаза. – Вы сейчас увидите, как у меня быстро начнут расти волосы. Слышите, уже скрипят. Вот в Бразилии никто не выйдет на улицу, не намазав густо голову яйцом. Помню, там был один старик, такой глупый, он съедал все яйца вместо того, чтобы выливать их себе на голову. И он так полысел, что, когда выходил из дому, в городе поднимался настоящий переполох, и приходилось вызывать полицейские машины с громкоговорителями, чтобы навести порядок...

Пеппи говорила и одновременно выбирала из кастрюльки попавшую туда яичную скорлупу. Затем она сняла висевшую на гвозде щётку на длинной ручке и принялась взбивать ею тесто так усердно, что забрызгала все стены. То, что осталось в кастрюльке, она вылила на сковороду, которая давно стояла на огне. Блин тут же подрумянился с одной стороны, и она подбросила его на сковороде,

да так ловко, что он, перевернувшись в воздухе, шлёпнулся обратно вниз неподжаренной стороной. Когда блин спёкся, Пеппи метнула его через всю кухню прямо на тарелку, стоявшую на столе.

- Ешьте! - крикнула она. - Ешьте скорей, пока он не остыл.

Томми и Анника не заставили себя упрашивать и нашли, что блин очень вкусный. Когда с едой было покончено, Пеппи пригласила своих новых друзей в гостиную. Кроме комода с огромным количеством маленьких ящичков, никакой другой мебели в гостиной не было. Пеппи принялась по очереди выдвигать ящички и показывать Томми и Аннике все сокровища, которые она хранила.

Тут были редкостные птичьи яйца, диковинные ракушки и разноцветные морские камешки. Были и резные коробочки, изящные зеркала в серебряной оправе, бусы и многие другие вещицы, которые Пеппи с отцом покупали во время своих кругосветных путешествий. Пеппи тут же захотела подарить своим новым друзьям что-нибудь на память. Томми достался кинжал с перламутровой ручкой, а Анника получила шкатулку, на крышке которой было вырезано много-много улиток. В шкатулке лежало колечко с зелёным камнем.

- А теперь забирайте свои подарки и ступайте домой, - сказала вдруг Пеппи. - Ведь если вы отсюда не уйдёте, то завтра не сможете снова прийти ко мне. А это было бы очень жалко.

Томми и Анника были того же мнения и отправились домой. Они прошли мимо лошади, которая уже съела весь овёс, и выбежали через калитку из сада. На прощание Господин Нильсон помахал им шляпой.

Как Пеппи ввязывается в драку

На другое утро Анника проснулась очень рано. Она быстро вскочила с постели и подкралась к брату.

– Просыпайся, Томми, – прошептала она и потрясла его за руку. – Просыпайся, пойдём скорей к той странной девочке в больших туфлях.

Томми тут же проснулся.

– Знаешь, я даже во сне чувствовал, что нас ждёт сегодня что-то очень интересное, хотя не помнил, что именно, – сказал он, снимая пижамную куртку.

Они оба побежали в ванную, помылись и почистили зубы гораздо быстрее, чем обычно, мгновенно оделись и, к удивлению мамы, на целый час раньше, чем всегда, спустились вниз и уселись в кухне за стол, заявив, что хотят немедленно выпить шоколада.

– Что вы собираетесь делать в такую рань? – спросила мама. – Чего это вы так спешите?

– Мы идём к девочке, которая поселилась в соседнем доме, – ответил Томми.

– И быть может, проведём там целый день! – добавила Анника.

Как раз в это утро Пеппи собралась печь лепёшки. Она замесила очень много теста и стала его раскатывать прямо на полу.

– Я считаю, Господин Нильсон, – обратилась Пеппи к обезьянке, – что за тесто и браться не стоит, если собираешься печь меньше полтысячи лепёшек.

И, растянувшись на полу, снова принялась с жаром работать скалкой.

– А ну-ка, Господин Нильсон, перестань возиться с тестом, – с раздражением сказала она, и в этот момент раздался звонок.

Пеппи, вся в муке, словно мельник, вскочила с пола и помчалась открывать. Когда она сердечно пожала руки Томми и Аннике, их всех окутало облако муки.

– Как мило с вашей стороны, что вы заглянули ко мне, – сказала она и одёрнула передник, отчего поднялось новое мучное облако.

Томми и Анника даже закашлялись – так они наглотались муки.

– Что ты делаешь? – спросил Томми.

– Если я тебе скажу, что чищу трубу, ты мне всё равно не поверишь, ведь ты такой хитрюга, – ответила Пеппи. – Ясное дело, пеку лепёшки. Скоро это станет ещё яснее. А пока садитесь-ка на этот сундук.

И она снова взялась за скалку.

Томми и Анника уселись на сундуке и глядели, словно в кино, как Пеппи раскатывает на полу тесто, как швыряет лепёшки на противни и как ставит противни в печь.

– Всё! – воскликнула наконец Пеппи и с грохотом захлопнула дверцу духовки, задвинув в неё последний противень.

– Что мы теперь будем делать? – поинтересовался Томми.

– Что вы собираетесь делать, я не знаю. Я, во всяком случае, не буду бездельничать. Я ведь дилектор... А у дилектора нет ни одной свободной минутки.

– Кто ты? – переспросила Анника.

– Дилектор!

– А что значит «дилектор»? – спросил Томми.

– Дилектор – это тот, кто всегда и во всём наводит порядок. Это все знают, – сказала Пеппи, сметая в кучу оставшуюся на полу муку. – Ведь на земле разбросана пропасть всяких разных вещей. Должен же кто-то следить за порядком. Вот это и делает дилектор!

– Пропать каких вещей? – спросила Анника.

– Да самых разных, – объяснила Пеппи. – И золотых слитков, и страусовых перьев, и дохлых крыс, и разноцветных леденцов, и маленьких гаечек, ну и всяких там других.

Томми и Анника решили, что наводить порядок очень приятное занятие, и тоже захотели стать дилекторами. Причём Томми сказал, что он надеется найти золотой слиток, а не маленькую гаечку.

– Посмотрим, как нам повезёт, – сказала Пеппи. – Что-нибудь уж всегда находишь. Но нам надо поторопиться. А то, того и гляди, набегут всякие другие дилектора и растащат все золотые слитки, которые валяются в этих местах.

И три дилектора тут же отправились в путь. Они решили прежде всего навести порядок возле домов, так как Пеппи сказала, что лучшие вещи всегда валяются вблизи человеческого жилья, хотя иногда случается найти гаечку и в лесной чаще.

– Как правило, это так, – объяснила Пеппи, – но бывает и иначе. Помню, как-то во время одного путешествия я решила навести порядок в джунглях на острове Борнео, и знаете, что я нашла в самой чаще, там, где ни разу не ступала нога человеческая? Знаете, что я там нашла?.. Настоящую искусственную ногу, притом совсем новую. Я подарила её потом одноногому старику, и он сказал, что такой прекрасной деревяшки ему бы ни за какие деньги не купить.

Томми и Анника во все глаза смотрели на Пеппи, чтобы научиться вести себя, как настоящие дилектора. А Пеппи металась по улице с тротуара на тротуар, то и дело прикладывая к глазам ладонь козырьком, чтобы лучше видеть, и неутомимо искала. Вдруг она стала на колени и просунула руку между рейками забора.

– Странно, – сказала она разочарованно, – мне показалось, что здесь сверкнул золотой слиток.

– А что, правда, можно брать себе всё, что находишь? – спросила Анника.

– Ну да, всё, что лежит на земле, – подтвердила Пеппи.

На лужайке перед домом, прямо на траве, лежал и спал пожилой господин.

– Вот глядите! – воскликнула Пеппи. – Он лежит на земле, и мы его нашли. Возьмём его!

Томми и Анника не на шутку испугались.

– Нет, нет, Пеппи, что ты... Его уносить нельзя... Это невозможно, – сказал Томми. – Да и что бы мы стали с ним делать?

– Что бы стали с ним делать? – переспросила Пеппи. – Да он может на многое пригодиться. Его можно посадить, например, в кроличью клетку и кормить листьями одуванчиков... Ну уж если вы не хотите его брать, ладно, пусть себе лежит. Обидно только, что придут другие дилектора и подберут этого дядьку.

Они пошли дальше. Вдруг Пеппи издала дикий вопль:

– А вот теперь я в самом деле кое-что нашла! – и указала на валяющуюся в траве ржавую консервную банку. – Вот это находка! Вот это да! Такая банка всегда пригодится.

Томми с недоумением взглянул на банку.

– А на что она тебе? – спросил он.

– Да на что хочешь! – ответила Пеппи. – Во-первых, в неё можно положить пряники, и тогда она превратится в прекрасную Банку-с-пряниками. Во-вторых, в неё можно не класть пряников. И тогда она будет Банкой-без-пряников и, конечно, не будет такой прекрасной, но всё же не всем попадают такие банки, это точно.

Пеппи внимательно осмотрела найденную ржавую банку, которая к тому же оказалась дырявой, и, подумав, сказала:

– Но эта банка скорее напоминает Банку-без-пряников. А ещё её можно надеть на голову. Вот так! Смотрите, она закрыла мне всё лицо. Как темно стало! Теперь я буду играть в ночь. Как интересно!

С банкой на голове Пеппи стала бегать взад-вперёд по улице, пока не растянулась на земле, споткнувшись о кусок проволоки. Банка с грохотом покатила в канаву.

– Вот видите, – сказала Пеппи, поднимая банку, – не будь на мне этой штуковины, я расквасила бы себе нос.

– А я думаю, – заметила Анника, – что если бы ты не надела себе на голову банку, то никогда не споткнулась бы об эту проволоку...

Но Пеппи перебила её ликующим криком: она увидела на дороге пустую катушку.

– До чего же мне сегодня везёт! Какой счастливый день! – воскликнула она. – Какая маленькая, маленькая катушечка! Знаете, как здорово пускать из неё мыльные пузыри! А если продеть в дырку верёвочку, то эту катушку можно носить на шее как ожерелье. В общем, я пошла домой за верёвочкой.

Как раз в этот момент отворилась калитка в заборе, окружавшем один из домов, и на улицу выбежала девочка. Вид у неё был чрезвычайно напуганный, и это неудивительно – за ней гнались пятеро мальчишек. Мальчишки окружили её и прижали к забору. У них была весьма выгодная позиция для нападения. Все пятеро тут же стали в боксёрскую стойку и принялись лупить девочку. Она заплакала и подняла руки, чтобы защитить лицо.

– Бей её, ребята! – закричал самый большой и сильный из мальчишек. – Чтобы на нашу улицу больше носа не казал.

– Ой! – воскликнула Анника. – Да ведь это они Ви?лле колотят! Гадкие мальчишки!

– Вон того здорового зовут Бенгт, – сказал Томми. – Он всегда дерётся. Противный парень. Да ещё накинулись пятеро на одну девочку!

Пеппи подошла к мальчишкам и ткнула Бенгта в спину указательным пальцем.

– Эй, послушай, есть мнение, что уж если драться с маленькой Вилле, то всё же лучше это делать один на один, а не налетать впятером.

Бенгт обернулся и увидел девочку, которую он здесь раньше никогда не встречал. Да, да, совершенно незнакомую девочку, да ещё осмелившуюся коснуться его пальцем! На мгновение он застыл от изумления, а затем лицо его расплылось в издевательской улыбке.

– Эй, ребята, бросьте-ка Вилле и поглядите на это чучело! – Он указал на Пеппи. – Вот так кикимора!

Его прямо скрючило от смеха, он хохотал, упёршись ладонями в колени. Все мальчишки мигом обступили Пеппи, а Вилле, утирая слёзы, тихонько отошла в сторону и стала возле Томми.

– Нет, вы только взгляните на её волосы! – не унимался Бенгт. – Красные, как огонь. А туфли-то, туфли! Эй, ты, одолжи-ка мне одну – я как раз собирался покататься на лодке, да не знал, где её раздобыть!

Он схватил Пеппи за косу, но тут же с притворной гримасой отдернул руку:

– Ой, ой, обжёгся!

И все пятеро мальчишек стали прыгать вокруг Пеппи и орать на разные голоса:

– Рыжая! Рыжая!

А Пеппи стояла в кольце беснующихся ребят и весело смеялась.

Бенгт рассчитывал, что девочка разозлится, а ещё лучше заплачет; и уж никак не ожидал, что она будет спокойно и даже дружески глядеть на них.

Убедившись, что словами её не проймёшь, Бенгт толкнул Пеппи.

– Не могу сказать, чтобы ты вежливо обходился с дамами, – заметила Пеппи и, схватив Бенгта своими сильными руками, подбросила его в воздух так высоко, что он повис на ветке растущей неподалёку берёзы. Затем она схватила другого мальчишку и закинула его на другую ветку. Третьего она швырнула на ворота виллы. Четвёртого перебросила через забор прямо на клумбу. А последнего, пятого, она втиснула в игрушечную коляску, стоявшую на дороге. Пеппи, Томми, Анника и Вилле молча глядели на мальчишек, которые от изумления потеряли, видно, дар речи.

– Эй, вы, трусы! – воскликнула наконец Пеппи. – Впятером нападаете на одну девчонку – это подлость! А затем дёргаете за косу и толкаете другую маленькую, беззащитную девочку... Фу, какие вы противные... Стыдно! Ну пошли домой, – сказала она, обращаясь к Томми и Аннике. – А если они посмеют тебя, Вилле, хоть пальцем тронуть, ты мне скажи.

Пеппи подняла глаза на Бенгта, который, боясь пошевелинуться, всё ещё висел на ветке, и сказала:

– Может, тебе хочется ещё что-нибудь сказать о цвете моих волос или о размере тупфеля, валяй говори, пока я здесь.

Но у Бенгта пропала всякая охота высказываться на любую тему. Пеппи подождала немного, затем взяла в одну руку жестяную банку, в другую – катушку и ушла в сопровождении Томми и Анники.

Когда дети вернулись в сад Пеппи, она сказала:

– Дорогие мои, мне так досадно: я нашла две такие чудесные вещи, а вы – ничего. Вы должны ещё немного поискать. Томми, почему бы тебе не взглянуть в дупло вон того старого дерева? Дилектора не должны проходить мимо таких деревьев.

Томми сказал, что всё равно ни он, ни Анника ничего хорошего не найдут, но раз Пеппи просит его поискать, он готов. И он засунул руку в дупло.

– Ой! – воскликнул он с изумлением и вытащил из дупла маленькую записную книжечку в кожаном переплёте, с серебряным карандашиком. – Странно! – проговорил Томми, рассматривая свою находку.

– Вот видишь! Я же тебе говорила, что на свете нет лучшего занятия, чем быть дилектором, и я просто ума не приложу, почему так мало людей выбирают себе эту профессию. Столяров и трубочистов сколько хочешь, а дилекторов пойдди поищи.

Затем Пеппи обернулась к Аннике:

– А почему бы тебе не пошарить под этим пеньком! Под старыми пнями частенько находишь самые замечательные вещи.

Аника послушалась совета Пеппи, и тотчас у неё в руках оказалось красное коралловое ожерелье. Брат с сестрой даже рты раскрыли от удивления и решили, что отныне они всегда будут дилекторами.

Вдруг Пеппи вспомнила, что легла сегодня только под утро, потому что заигралась в мяч, и ей сразу захотелось спать.

– Пожалуйста, пойдите со мной и укройте меня хорошенько, да подоткните мне одеяло.

Когда Пеппи, усевшись на краю кровати, принялась снимать туфли, она задумчиво проговорила:

– Этому Бенгту захотелось покататься на лодке. Тоже катальщик нашёлся! – фыркнула она с презрением. – Я проучу его в другой раз.

– Послушай, Пеппи, – вежливо спросил Томми, – а всё-таки почему у тебя такие здоровенные туфли?

– Ясное дело – для удобства. А для чего же ещё? – проговорила Пеппи и легла. Она всегда спала, положив ноги на подушку, а голову под одеяло. – В Гватемале так спят решительно все, и я считаю, что это единственно правильный и разумный способ спанья. Так куда удобней. Неужели вы засыпаете без колыбельной песенки? Я, например, обязательно должна себе спеть колыбельную, иначе у меня глаза не закрываются.

И секунду спустя до Томми и Анники донеслись из-под одеяла какие-то странные звуки. Это Пеппи пела себе колыбельную. Тогда они, чтобы её не потревожить, на цыпочках направились к выходу. В дверях они обернулись и ещё раз взглянули на постель, но увидели только Пеппины ноги, которые покоились на подушке. Дети пошли домой. Анника, крепко сжимая в руке свои коралловые бусы, спросила:

– Томми, ты не думаешь, что Пеппи нарочно положила эти вещи в дупло и под пенёк, чтобы мы их нашли?

– Чего гадать! – ответил Томми. – С Пеппи никогда не знаешь, что к чему, это мне уже ясно.

Как Пеппи играет с полицейскими в салочки

Вскоре в маленьком городке разнёсся слух, что девятилетняя девочка живёт совершенно одна в заброшенной вилле. И взрослые этого городка считали, что дальше так продолжаться не может. У всех детей должен быть кто-то, кто их воспитывает. Все дети должны ходить в школу и учить таблицу умножения. Поэтому взрослые решили, что эту маленькую девочку надо отправить в детский дом. Однажды после обеда Пеппи пригласила Томми и Аннику пить кофе с булочками. Она расставила чашки прямо на ступеньках террасы. Приятно припекало солнышко, и с клумб доносился аромат цветов. Господин Нильсон карабкался вверх и вниз по балюстраде, а лошадь время от времени тянула морду, чтобы получить булочку.

– Как всё-таки прекрасна жизнь! – промолвила Пеппи и вытянула ноги.

Как раз в этот момент распахнулась калитка, и в сад вошли двое полицейских в форме.

– Ах! – воскликнула Пеппи. – Что за счастливый день! Больше всего на свете – ну конечно, после крема из ревеня – я люблю полицейских.

Сияя счастливой улыбкой, она двинулась навстречу полицейским.

– Ты и есть та самая девочка, которая поселилась в этой вилле? – спросил один из полицейских.

– А вот и нет, – ответила Пеппи. – Я сухонькая старушка и живу на третьем этаже в особнячке на другом конце города.

Пеппи ответила так, потому что хотела пошутить. Но полицейские не нашли эту шутку смешной, они строго сказали ей, чтобы она перестала дурачиться, а затем сообщили, что добрые люди решили предоставить ей место в детском доме.

– А я и так живу в детском доме, – ответила Пеппи.

– Что за вздор ты несёшь! – закричал полицейский. – Где же находится твой детский дом?

– Да вот здесь. Я дитя, а это мой дом. Значит, это и есть детский дом. А места, как видите, тут вполне хватает.

– О милая девочка, тебе этого не понять, – сказал другой полицейский и засмеялся. – Ты должна отправиться в настоящий детский дом, где тебя будут воспитывать.

- А в тот детский дом можно взять с собой лошадь?
- Конечно нет! - ответил полицейский.
- Так я и думала, - мрачно сказала Пеппи. - Ну а обезьянку?
- И обезьянку нельзя. Ты же сама это понимаешь.
- В таком случае пусть другие отправляются в детский дом, я туда не собираюсь!
- Но ведь ты должна ходить в школу.
- Почему это я должна ходить в школу?
- Чтобы научиться разным вещам.
- Каким таким вещам? - не унималась Пеппи.
- Ну самым разным. Всевозможным полезным вещам. Например, выучить таблицу умножения.
- Вот уже целых девять лет я прекрасно обхожусь без этой таблицы уважения, - ответила Пеппи, - значит, и дальше проживу без неё.
- Ну подумай, тебе будет неприятно, если ты на всю жизнь останешься неучем! Представь себе, ты вырастешь большой, и вдруг у тебя кто-нибудь спросит, как называется столица Португалии. А ты не сможешь ответить.
- Почему это я не смогу ответить? Я вот что скажу: «Если тебе так уж важно узнать, какой главный город Португалии, то напиши прямо в Португалию, - португальцы с удовольствием сообщат тебе, как называется их столица».
- И тебе не будет стыдно, что сама не смогла ответить?

– Возможно, будет, – сказала Пеппи. – И я долго не засну в тот вечер, буду всё лежать и вспоминать: ну а в самом деле, как же называется столица Португалии? Но я скоро утешусь, – тут Пеппи сделала стойку, прошла на руках и добавила: – Потому, что ведь я была в Лиссабоне с папой.

Тут в разговор вмешался первый полицейский и сказал, чтобы Пеппи не воображала, что она может поступить как хочет, – ей приказано отправляться в детский дом и нечего больше болтать попусту. И он подошёл к Пеппи и схватил её за руку. Но Пеппи тут же вырвалась и, слегка шлёпнув полицейского по спине, крикнула:

– Я вас осалила! Вам водить!

И прежде чем он успел опомниться, она вскочила на балюстраду террасы, а оттуда быстро забралась на балкон второго этажа.

Полицейским вовсе не хотелось лезть вверх таким способом. Поэтому они оба кинулись в дом и поднялись по лестнице. Но, когда они очутились на балконе, Пеппи уже сидела на крыше. Она карабкалась по черепице с ловкостью обезьяны. В одно мгновение она оказалась на коньке крыши, а оттуда перескочила на трубу.

Полицейские сидели на балконе и в растерянности чесали затылки.

Томми и Анника с лужайки восторженно следили за Пеппи.

– До чего весело играть в салочки! – крикнула Пеппи полицейским. – Как мило с вашей стороны, что вы пришли поиграть со мной. У меня сегодня счастливый день, это точно!

Немного поразмыслив, полицейские сходили за лестницей, прислонили её к стене дома и друг за дружкой стали взбираться на крышу. Оскользываясь на черепице и с трудом балансируя, двинулись они к Пеппи, но вид у них был весьма перепуганный.

– Смелее! Смелее! – подбадривала их Пеппи. – Это совсем не страшно.

Но, когда полицейские почти доползли до Пеппи, она, заливаясь весёлым смехом и даже повизгивая от удовольствия, спрыгнула с трубы и перебралась на другой скат крыши. С той стороны рядом с домом росло дерево.

– Глядите, я падаю! – крикнула Пеппи и, прыгнув с карниза, повисла на ветке, покачиваясь на ней, а потом ловко соскользнула вниз по стволу. Очутившись на земле, Пеппи обежала дом и отставила лестницу, по которой взбирались на крышу полицейские. Полицейские перепугались, когда Пеппи прыгнула на дерево. Но они просто пришли в ужас, увидев, что девочка унесла лестницу. Окончательно рассвирепев, они орали, грозили Пеппи ужасными карами и требовали, чтобы Пеппи немедленно поставила лестницу на место, не то они, мол, с ней не так поговорят.

– Чего вы сердитесь? – с упрёком спросила их Пеппи. – Мы же играем в салочки, к чему зря злиться?

Полицейские немного помолчали, и наконец один из них сказал смущённо:

– Послушай, девочка, будь добра, поставь назад лестницу, чтобы мы могли спуститься.

– С удовольствием, – ответила Пеппи и тут же приставила лестницу. – А потом мы можем, если хотите, выпить кофейку и вообще весело провести время вместе.

Но полицейские оказались коварными людьми. Едва ступив на землю, они кинулись к Пеппи, схватили её и закричали:

– Вот теперь ты попалась, скверная девчонка!

– Я с вами больше не играю. Я не вожусь с теми, кто жулит в игре, – ответила Пеппи и, взяв обоих полицейских за пояса, выволокла их из сада на улицу. Там она их отпустила, но они ещё долго не могли прийти в себя. – Одну минуточку! – крикнула им Пеппи и со всех ног бросилась на кухню. Вскоре она снова появилась, держа в руках по булочке. – Отведайте, пожалуйста! Правда, они немножко подгорели, но это не важно.

Затем Пеппи подошла к Томми и Аннике, которые стояли раскрыв рты и только диву давались. А полицейские поспешили вернуться в город и сказали тем, кто их посылал, что Пеппи не годится для детского дома. Полицейские, конечно, утаили, что сидели на крыше. И взрослые решили: раз так, пусть эта девочка живёт как хочет. Главное, чтобы она ходила в школу, а в остальном она вольна распоряжаться сама собой.

Что до Пеппи, Томми и Анники, то они прекрасно провели остаток дня. Сперва они допили кофе, и Пеппи, успешно справившись с четырнадцатью булочками, сказала:

– Всё-таки это были какие-то не настоящие полицейские – болтали что-то о детском доме, о таблице уважения и о Лиссабоне...

Затем Пеппи вынесла лошадь в сад, и дети стали кататься верхом.

Правда, Анника поначалу боялась лошади. Но, когда она увидела, как весело скачут по саду Томми и Пеппи, она тоже решила попробовать. Пеппи ловко посадила её, лошадь затрусил рысцой по дороге, а Томми запел во всё горло:

Мчатся шведы, грохоча.

Схватка будет горяча!

Вечером, когда Томми и Анника уже лежали в своих кроватках, Томми сказал:

– До чего здорово, что Пеппи приехала сюда жить. Верно, Анника?

– Ну конечно, здорово!

– Знаешь, я даже не помню, во что мы, собственно говоря, играли до неё.

– Мы играли в кегли, в крокет или просто в мяч. Но с Пеппи куда веселее!.. А тут ещё лошадь и обезьянка! Верно?

Как Пеппи идёт в школу

Конечно, и Томми и Анника ходили в школу. Каждое утро ровно в восемь они, взявшись за руки, с учебниками в сумках, отправлялись в путь.

Как раз в этот час Пеппи больше всего любила ездить верхом на лошади, или наряжать Господина Нильсона, или делать зарядку, которая заключалась в том, что она сорок три раза подряд, не сгибаясь, подскакивала на месте. Затем Пеппи устраивалась у кухонного стола и в полном покое выпивала большую чашку кофе и съедала несколько бутербродов с сыром.

Проходя мимо виллы «Курица», Томми и Анника с тоской глядели через ограду – уж очень им хотелось свернуть сюда и весь день проиграть со своей новой подружкой. Вот если бы Пеппи тоже ходила в школу, им было бы не так обидно тратить на учение столько времени.

– До чего же весело бежать домой после школы, особенно если втроём, а, Пеппи? – сказал как-то Томми, смутно надеясь её соблазнить.

– И в школу мы бы тоже ходили вместе, а? – умоляюще добавила Анника.

Чем больше ребята думали о том, что Пеппи не ходит в школу, тем печальнее становилось у них на душе. И в конце концов они решили во что бы то ни стало уговорить её ходить в школу вместе с ними.

– Ты даже представить себе не можешь, какая у нас замечательная учительница, – сказал однажды Томми, лукаво взглянув на Пеппи. Он и Анника прибежали к ней, наспех сделав уроки.

– Ты не знаешь, как интересно у нас в классе! – подхватила Анника. – Если бы меня не пускали в школу, я бы просто с ума сошла от горя.

Пеппи, сидя на низенькой скамеечке, мыла ноги в огромном тазу. Она ничего не сказала в ответ, только принялась так брызгаться, что расплескала почти всю воду.

- Да и сидеть там надо недолго, только до двух часов, - снова начал Томми.

- Понимаешь, только до двух, и оглянуться не успеешь, как звонок. А кроме того, бывают каникулы. Рождественские, пасхальные, летние... - в тон ему продолжала Анника.

Пеппи задумалась, но по-прежнему молчала. Вдруг она с решительным видом выплеснула остаток воды из таза прямо на пол, хотя там сидел Господин Нильсон и играл зеркалом.

- Это несправедливо, - строго сказала Пеппи, не обращая ни малейшего внимания ни на гнев Господина Нильсона, ни на его мокрые штаны. - Это ужасно несправедливо, и я не стану с этим мириться!

- Что несправедливо? - удивился Томми.

- Через четыре месяца будет Рождество, и у вас начнутся рождественские каникулы. А у меня что начнётся? - В голосе Пеппи звучали слёзы. - У меня не будет никаких рождественских каникул, даже самых коротеньких, - продолжала она жалобно. - Это надо изменить. Завтра же я отправляюсь в школу.

От радости Томми и Анника захлопали в ладоши.

- Ура! Ура! Так мы тебя будем ждать завтра ровно в восемь у наших ворот.

- Нет, - сказала Пеппи. - Это для меня слишком рано. А кроме того, я поеду в школу верхом.

Сказано - сделано. В десять часов Пеппи вынесла свою лошадь в сад и отправилась в путь.

А через несколько минут все жители городка кинулись к окнам, с ужасом провожая взглядом маленькую девочку, которую понесла взбесившаяся лошадь. На самом же деле ничего ужасного не происходило. Просто Пеппи торопилась в школу. Она галопом влетела во двор, спрыгнула на землю и привязала лошадь к дереву. Подойдя к двери класса, она с таким грохотом распахнула её, что все ребята от неожиданности подскочили на своих местах, и, помахав своей

широкополой шляпой, что есть мочи крикнула:

- Привет! Надеюсь, я не опоздала на таблицу уважения?

Томми и Анника предупредили учительницу, что в класс должна прийти новая девочка, которую зовут Пеппи Длинныйчулок. Учительница и без того уже слышала о Пеппи – в маленьком городке, где всё про всех знают, о ней шло немало толков. А так как учительница была милой и доброй, то она решила сделать всё, чтобы Пеппи в школе понравилось.

Не дожидаясь приглашения, Пеппи уселась за пустую парту. Но учительница не сделала ей никакого замечания. Наоборот, она сказала очень приветливо:

- Добро пожаловать к нам в школу, милая Пеппи. Надеюсь, тебе у нас понравится и ты здесь многому научишься.

- А я надеюсь, что у меня скоро будут рождественские каникулы, – ответила Пеппи. – Для этого я и пришла сюда. Справедливость прежде всего.

- Скажи мне, пожалуйста, твоё полное имя. Я запишу тебя в список учеников.

- Меня зовут Пеппилотта-Виктуали?на-Рольгарди?на, дочь капитана Эфроима Длинныйчулок, прежде Грозы Морей, а теперь негритянского короля. Вообще-то говоря, Пеппи – это моё уменьшительное имя. Папа считал, что Пеппилотту произносить слишком долго.

- Ясно, – сказала учительница. – Тогда мы тоже будем звать тебя Пеппи. А теперь давай посмотрим, что ты знаешь. Ты уже большая девочка и, наверное, многое умеешь. Начнём с арифметики. Скажи, пожалуйста, Пеппи, сколько будет, если к семи прибавить пять?

Пеппи взглянула на учительницу с недоумением и недовольством.

- Если ты, такая большая, сама это не знаешь, то неужели думаешь, что я стану считать за тебя? – ответила она учительнице.

У всех учеников глаза на лоб полезли от удивления. А учительница терпеливо объяснила, что так в школе не отвечают, что учительнице говорят «вы» и, обращаясь к ней, называют её «фрёкен».

– Простите, пожалуйста, – сказала Пеппи смутившись. – Я этого не знала и больше так делать не буду.

– Надеюсь, – сказала учительница. – Вот ты не хотела считать за меня, а я охотно сосчитаю за тебя: если к семи прибавить пять, получится двенадцать.

– Подумать только! – воскликнула Пеппи. – Оказывается, ты сама можешь это сосчитать. Зачем же ты тогда у меня спрашивала?.. Ой, я опять сказала «ты» – простите, пожалуйста.

И в наказание Пеппи сама себя больно ущипнула за ухо.

Учительница решила не обращать на это никакого внимания и задала следующий вопрос:

– Ладно, Пеппи, а теперь скажи, сколько будет восемь и четыре?

– Думаю, шестьдесят семь, – ответила Пеппи.

– Неверно, – сказала учительница, – восемь и четыре будет двенадцать.

– Ну, старушка, это уж слишком! Ты же сама только что сказала, что пять и семь будет двенадцать. Какой-то порядок нужен и в школе! А если уж тебе так хочется заниматься всеми этими подсчётами, то стала бы в уголок да считала себе на здоровье, а мы тем временем пошли бы во двор играть в салочки... Ой, я, кажется, снова говорю «ты»! Простите меня в последний раз. Я постараюсь вести себя лучше.

Учительница сказала, что готова и на этот раз простить Пеппи, но, видно, пока не стоит задавать ей вопросы по арифметике, лучше вызвать других детей.

– Томми, реши, пожалуйста, такую задачу: у Лизи было семь яблок, а у Аксея – девять. Сколько яблок было у них вместе?

– Да, сосчитай-ка это, Томми, – вмешалась вдруг Пеппи, – и, кроме того, скажи: почему у А?ксея живот болел больше, чем у Лизи, и в чьём саду они нарвали яблок?

Фрёкен снова сделала вид, что ничего не слышала, и сказала, обращаясь к Аннике:

– Ну, Анника, теперь ты сосчитай. Гу?став пошёл со своими товарищами на экскурсию. Ему дали с собой одну крону, а вернулся он с семьёю э?ре. Сколько денег потратил Густав?

– А я хочу знать, – сказала Пеппи, – почему этот мальчишка так сорил деньгами? И что он купил на них: лимонаду или что-нибудь ещё? И хорошо ли он вымыл уши, когда собирался на экскурсию?

Учительница решила сегодня больше не заниматься арифметикой. Она подумала, что, быть может, чтение у Пеппи пойдёт лучше. Поэтому она вынула из шкафа картонку, на которой был нарисован ёжик. Под рисунком стояла большая буква «Ё».

– Ну, Пеппи, сейчас я покажу тебе интересную вещь. Это Ё-ё-ё-жик. А буква, которая изображена вот тут, называется «Ё».

– Ну да? А я всегда думала, что «Ё» – это большая палочка с тремя маленькими поперёк и двумя мушиными крапинками наверху. Скажите мне, пожалуйста, что общего имеет ёжик с мушиными крапинками?

Учительница не ответила на вопрос Пеппи, а вынула другую картонку, на которой была нарисована змея, и сказала, что буква под картинкой называется «З».

– О! Когда говорят о змеях, я всегда вспоминаю, как я дралась с гигантской змеей в Индии. Вы даже представить себе не можете, какая это была страшная

змея: четырнадцать метров длиной и злая, как оса. Каждый день она пожирала не меньше пяти взрослых индийцев, а на закуску лакобилась двумя маленькими детьми. И вот однажды она решила полакомиться мною. Она обвилась вокруг меня, но я не растерялась и изо всех сил стукнула её по голове. Бах! Тут она как зашипит: ф-ф-ф! А я её ещё раз – бац! И тогда она – ух! Да, да, вот точно так это было. Очень страшная история!..

Пеппи перевела дух, а учительница, которая к этому времени окончательно поняла, что Пеппи трудный ребёнок, предложила всему классу нарисовать что-нибудь. «Наверное, рисование увлечёт Пеппи и она хоть немного посидит спокойно», – подумала фрёкен и раздала ребятам бумагу и цветные карандаши.

– Вы можете рисовать всё, что хотите, – сказала она и, сев за свой столик, принялась проверять тетради.

Через минуту она подняла глаза, чтобы посмотреть, как дети рисуют, и обнаружила, что никто не рисовал, а все смотрели на Пеппи, которая, лёжа ничком, рисовала прямо на полу.

– Послушай, Пеппи, – с раздражением сказала учительница, – почему ты не рисуешь на бумаге?

– Я её уже давно всю изрисовала. Но портрет моей лошади не уместился на этом крошечном листке. Сейчас я рисую как раз передние ноги, а когда дойду до хвоста, мне придётся выйти в коридор.

Учительница на минуту задумалась, но решила не сдаваться.

– А теперь, дети, встаньте, и мы споём песню, – предложила она.

Все дети поднялись со своих мест, все, кроме Пеппи, которая продолжала лежать на полу.

– Валяйте пойте, а я немного отдохну, – сказала она, – а то если я запою – стёкла полетят.

Но тут терпение у учительницы лопнуло, и она сказала детям, чтобы они пошли погулять на школьный двор, – ей необходимо поговорить с Пеппи с глазу на глаз. Как только все дети вышли, Пеппи поднялась с полу и подошла к столику учительницы.

– Знаешь что, фрёкен, – сказала она, – я вот что думаю: мне было очень интересно прийти сюда и посмотреть, чем вы тут занимаетесь. Но больше мне сюда ходить неохота. А с рождественскими каникулами пусть будет как будет. В вашей школе для меня слишком много яблок, ежей и змей. Прямо голова закружилась. Ты, фрёкен, надеюсь, не будешь этим огорчена?

Но учительница сказала, что она очень огорчена, и больше всего тем, что Пеппи не хочет вести себя как следует.

– Любую девочку выгонят из школы, если она будет вести себя так, как ты, Пеппи.

– Как, разве я себя плохо вела? – с удивлением спросила Пеппи. – Честное слово, я этого и не заметила, – печально добавила она.

Её нельзя было не пожалеть, потому что так искренне огорчаться, как она, не умела ни одна девочка в мире.

С минуту Пеппи молчала, а потом сказала запинаясь:

– Понимаешь, фрёкен, когда мама у тебя ангел, а папа – негритянский король, а сама ты всю жизнь проплавала по морям, то не знаешь, как надо вести себя в школе среди всех этих яблок, ежей и змей.

Фрёкен сказала Пеппи, что она это понимает, больше не сердится на неё и Пеппи сможет снова прийти в школу, когда немножко подрастёт. Тут Пеппи засияла от счастья и сказала:

– Ты, фрёкен, удивительно милая. И вот тебе, фрёкен, от меня подарок на память.

Пеппи вынула из кармана маленький изящный золотой колокольчик и положила его на столик перед учительницей. Учительница сказала, что не может принять от неё такой дорогой подарок.

– Нет, прошу тебя, фрёкен, ты должна принять мой подарок! – воскликнула Пеппи. – А то я завтра опять приду в школу, а это никому не доставит удовольствия.

Тут Пеппи выбежала на школьный двор и вскочила на свою лошадь. Все дети окружили Пеппи, каждому хотелось погладить лошадь и посмотреть, как Пеппи выедет со двора.

– Помню, я в Аргентине ходила в школу, вот это была школа! – сказала Пеппи и поглядела на ребят. – Эх, вам бы туда попасть! После рождественских каникул там через три дня начинаются пасхальные, а когда кончаются пасхальные, то ещё через три дня начинаются летние. Кончаются летние каникулы первого ноября, и тут-то, правда, ребятам приходится здорово поработать, потому что рождественские каникулы начинаются только одиннадцатого. Но в конце концов с этим можно смириться, потому что в Аргентине не задают уроков. Правда, иногда случается, что какой-нибудь аргентинский мальчик залезает в шкаф, чтобы никто его не видел, и тайком немножко поучит уроки. Но ему здорово влетает от мамы, если она это замечает. Арифметику там вообще не проходят, и если какой-нибудь мальчишка случайно знает, сколько будет пять и семь, да ещё сдуру проговорится об этом учительнице, то она поставит его на весь день в угол. Чтением там занимаются только в свободные дни, и то, если найдутся книги для чтения, но книг там нет ни у кого...

– Что же они тогда делают в школе? – с изумлением спросил маленький мальчик.

– Едят конфеты, – ответила Пеппи. – Вблизи школы находится конфетная фабрика. Так вот, от неё прямо в класс провели специальную трубу, и поэтому

у детей нет ни минуты свободного времени – только успевай жевать.

– А что же делает учительница? – спросила маленькая девочка.

– Глупышка! – сказала Пеппи. – Неужто сама не догадалась: учительница подбирает конфетные бумажки и делает фантики. Уж не думаешь ли ты, что там фантиками занимаются сами ребята? Нет уж, дудки! Ребята там даже сами в школу не ходят, а посылают младших братишек и сестрёнок... Ну, привет! – радостно крикнула Пеппи и помахала своей большой шляпой. – А вам, беднягам, самим придётся сосчитать, сколько яблок было у Акселя. Меня вы здесь не скоро увидите...

Пеппи с шумом выехала за ворота. Лошадь скакала так быстро, что камни летели у неё из-под копыт, а оконные стёкла дребезжали.

Как Пеппи лезет в дупло

Однажды в тёплый и ясный день Пеппи, Томми и Анника грелись на солнышке. Пеппи взобралась на один из столбов калитки, Анника – на другой, а Томми примостился на самой калитке. Груша, росшая поблизости, тянула свои ветки прямо к калитке, и дети могли, не двигаясь с места, рвать мелкие золотисто-красные груши. Они жевали грушу за грушей и выплёвывали зёрнышки прямо на улицу.

Вилла «Курица» была расположена, как вы знаете, на самой окраине города, там, где улица переходила в шоссе. Жители городка любили ходить гулять в эту сторону – здесь были самые живописные места.

Итак, ребята безмятежно грелись на солнышке и ели груши, когда появилась незнакомая девчонка. Увидев ребят, сидящих на калитке, она остановилась и спросила:

– Скажите, мой папа здесь не проходил?

- А как он выглядит, твой папа? – поинтересовалась Пеппи. – У него голубые глаза?

- Да, – сказала девочка.

- Он среднего роста, не высокий и не низкий...

- Да, да... – подтвердила девочка.

- В чёрной шляпе и в чёрных ботинках...

- Да... да!

- Нет, мы его не видели!

Девочка надулась и, ни слова не говоря, пошла дальше.

- Ой ты, подожди! – крикнула ей вслед Пеппи. – Он лысый?

- Нет, он не лысый.

- Тогда ему здорово повезло! – захохотала Пеппи и выплюнула зёрнышки.

Девочка двинулась было дальше, но Пеппи её снова остановила:

- А уши у него, словно лопухи, свисают до плеч?

- Нет, – сказала девочка и обернулась: – А вы что, видели человека с такими ушами?

- Нет, не видели, таких людей не бывает. Во всяком случае, в нашей стране, – добавила Пеппи после паузы. – Вот в Китае – дело другое. Однажды в Шанхае я видела китайца с такими большими ушами, что они служили ему пелериной. Вот хлынет, бывало, ливень, китаец прикроется ушами – и порядок: ему тепло и сухо. А когда во время дождя он встречал друзей и знакомых, он и их прикрывал своими ушами. Так они сидели и пели свои грустные песни, пока

дождь не проходил. Звали этого китайца Хай-Шанг. Поглядели бы вы, как он по утрам мчался на работу. Он всегда прилетал буквально в последнюю минуту, потому что любил поспать. Он выбегал на улицу, расставлял свои огромные уши, ветер надувал их, словно паруса, и гнал Хай-Шанга с невероятной скоростью...

Девочка, раскрыв рот, слушала Пеппи, а Томми и Анника даже перестали жевать груши.

– У Хай-Шанга было столько детей, что он их и сосчитать не мог, – не унималась Пеппи. – самого младшего звали Петер.

– Это китайского-то мальчика звали Петер? – усомнился Томми. – Не может быть!

– Вот и жена Хай-Шанга так говорила. Китайского ребёнка нельзя называть Петер, твердила она своему мужу. Но Хай-Шанг был невероятно упрям. Он хотел, чтобы его младшего сына звали Петер, и никак иначе. Он так разозлился, что сел в уголок, накрылся своими ушами и сидел там до тех пор, пока его бедная жена не уступила и не назвала мальчика Петером...

– Вот это да! – прошептала Анника.

– Петер был самым избалованным ребёнком во всём Шанхае и так капризничал во время еды, что мать его приходила в отчаяние. Вы ведь знаете, что в Китае едят ласточкины гнёзда. И вот как-то раз мама наложила ему полную тарелку ласточкиных гнёзд и кормила его с ложечки, приговаривая: «Ешь, Петерхен, это гнёздышко мы съедим за папу!» Но Петер плотно сжимал губы и мотал головой. И когда Хай-Шанг увидел, как его младший сын ест, он так рассвирепел, что приказал не давать Петеру ничего другого, пока он не съест этого гнёздышка «за папу». А я вам уже говорила, что Хай-Шанг умел настоять на своём. И вот это гнездо стали варить Петеру каждый божий день с мая по октябрь. Четырнадцатого июля мать попросила Хай-Шанга дать Петеру две тефтельки. Но отец был неумолим.

– Всё это глупости, – сказала вдруг чужая девочка.

– Вот именно, буквально эти слова и произнёс Хай-Шанг, – подтвердила Пеппи, нимало не смутившись. «Всё это глупости, – сказал он, – мальчик может съесть это ласточкино гнездо, надо только сломить его упрямство». Но, когда Петеру

предлагали гнездо, он только сжимал губы.

– Как же этот мальчик жил, если он ничего не ел с мая по октябрь? – удивился Томми.

– А он и не жил. Он умер восемнадцатого октября – «из чистого упрямства», как сказал его отец. Девятнадцатого его похоронили. А двадцатого октября прилетела ласточка и снесла яйцо в то самое гнездо, которое всё ещё лежало на столе. Так что гнездо это пригодилось, и никакой беды не случилось, – радостно закончила Пеппи.

Затем она подозрительно посмотрела на девочку, которая в растерянности стояла на дороге.

– У тебя какой-то странный вид, – сказала Пеппи. – Уж не думаешь ли ты, что я вру? А ну-ка признавайся! – И Пеппи угрожающе подняла руку.

– Да нет, что ты... – испуганно ответила девочка. – Я вовсе не хочу сказать, что ты врешь, но...

– Значит, по-твоему, я не вру... – перебила её Пеппи, – а ведь на самом-то деле я вру, да ещё как! Плету, что в голову взбредёт. Неужели ты вправду думаешь, что мальчик может прожить без еды с мая по октябрь? Ну ещё три-четыре месяца куда ни шло, но с мая по октябрь – это уже глупости. И ты прекрасно понимаешь, что я вру. Так что же ты позволяешь вбивать себе в голову всякую белиберду?

Тут девочка быстро пошла по улице и ни разу не обернулась.

– До чего же люди доверчивы! – сказала Пеппи, обращаясь к Томми и Аннике. – Не есть с мая по октябрь! Подумать только, какая глупость!

И она крикнула вдогонку девочке:

– Нет, мы не видели твоего папы. За весь день мы не видели ни одного плешивого. А вот вчера мимо нас прошли семнадцать лысых... взявшись за руки!

Сад Пеппи и в самом деле был очень красив. Конечно, нельзя сказать, что за ним хорошо ухаживали, но его украшали прекрасные газоны, которые давно уже никто не подстригал, а старые розовые кусты гнулись под тяжестью белых, красных и чайных роз. Может, это были и не самые изысканные сорта роз, но пахли они превосходно. Там росли фруктовые деревья и, что самое ценное, несколько старых ветвистых дубов и вязов, на которые так легко взбираться.

А вот в саду у Томми и Анники с деревьями для лазания дело обстояло из рук вон скверно, да и к тому же мама всегда боялась, что дети упадут и разобьются. Поэтому им за свою жизнь так и не довелось полазить по деревьям. И вдруг Пеппи сказала:

- Давайте заберёмся на этот дуб!

Томми пришёл от этой идеи в такой восторг, что тут же спрыгнул с калитки. Анника поначалу была несколько смущена предложением Пеппи, но, когда увидела, что на дереве много сучков, за которые можно ухватиться, решила тоже попробовать. На высоте нескольких метров над землёй ствол дуба раздваивался, образуя что-то вроде шалаша. Вскоре вся троица уже сидела в этом шалаше, а над их головами дуб раскинул зелёной крышей свою могучую крону.

- Давайте здесь пить кофе! Я сейчас сбегаю на кухню.

Томми и Анника захлопали в ладоши и закричали: «Браво!» Через несколько минут Пеппи принесла дымящийся кофейник. Булочки она испекла ещё накануне. Пеппи подошла к дубу и стала кидать вверх кофейные чашки. Томми и Анника попытались поймать их на лету. Но из трёх чашек две ударились о ствол и разбились. Однако Пеппи ничуть не огорчилась, а тут же помчалась домой за другими чашками. Затем настала очередь булочек – они так и замелькали в воздухе, но тут уж опасаться было нечего. И в заключение на дерево вскарабкалась Пеппи с кофейником в руке. В одном кармане её платья была бутылка со сливками, в другом – коробочка с сахаром.

Томми и Аннике казалось, что никогда ещё они не пили такого вкусного кофе. Вообще кофе они пили очень редко, только в гостях. Но ведь теперь они и были в гостях. Анника неловко повернулась и пролила себе на платье немного кофе. Сперва ей было мокро и тепло, потом стало мокро и холодно, но она сказала, что

это пустяки.

Когда кофе был допит, Пеппи, не слезая с дуба, стала швырять посуду на траву.

– Хочу проверить, – объяснила она, – из хорошего ли фарфора делают теперь чашки.

Каким-то чудом уцелели одна чашка и все три блюдца. А у кофейника отбилась только носик.

Пеппи тем временем захотелось забраться повыше на дуб.

– Смотрите, смотрите! – вдруг крикнула она. – В дереве-то огромное дупло!

И в самом деле, в стволе дуба, чуть повыше того места, где они сидели, была огромная дыра, скрытая от них листвой.

– Я тоже сейчас туда залезу! – воскликнул Томми. – Ладно, Пеппи?

Но ответа не последовало.

– Пеппи! Где же ты? – с тревогой спросил Томми.

И вдруг раздался голос Пеппи. Но не сверху, как ожидали ребята, а почему-то снизу, и звучал он так гулко, словно доносился из подземелья.

– Я в дереве! Оно пустое до самой земли. А вот в эту дырочку я вижу кофейник на траве.

– А как же ты оттуда выберешься? – испугалась Анника.

– Я никогда отсюда не выберусь, – ответила из дупла Пеппи. – Я буду тут стоять, пока не стану пенсионеркой. А вы будете носить мне еду и спускать её на верёвке раз пять-шесть в день, не больше...

Аника начала плакать.

– К чему эти слёзы, к чему рыдания? – пропела вдруг Пеппи и добавила: – Лезьте сюда ко мне, мы будем играть в узников, которые чахнут в подземелье.

– Никуда я не полезу! – заорала Анника и для большей безопасности тут же спрыгнула с дерева.

– Эй, Анника, а я тебя вижу в дырочку... Не наступи на кофейник! Это заслуженный старый кофейник, который никому ничего плохого не сделал. Он не виноват, что у него нет носика!

Аника подошла вплотную к дереву и увидела в трещине коры кончик Пеппиного пальца. Это её немного утешило, но всё же она продолжала волноваться.

– Пеппи, а ты в самом деле не можешь выбраться? – спросила она.

Палец Пеппи исчез, и через минуту в отверстии дупла показалась её смеющаяся физиономия.

– Ну, честно говоря, могу. Стоит только захотеть, – сказала Пеппи и, подтянувшись на руках, вылезла по пояс.

– Ой, раз так легко выбираться, то я тоже полезу! – крикнул Томми, всё ещё сидевший на дереве. – Залезу в дупло и тоже немного почихну.

– Знаете что, – сказала Пеппи, – давайте принесём сюда стремянку.

Она быстро выбралась из дупла и спрыгнула на землю. Дети побежали за стремянкой. Пеппи с трудом втащила её на дуб и опустила в дупло.

Томми не терпелось туда забраться. Это оказалось не так-то просто – отверстие дупла находилось высоко, под самой кроной. Но Томми мужественно полез вверх

и потом исчез в тёмной дыре. Анника решила, что больше никогда не увидит своего брата. Она прильнула к трещине, стараясь разглядеть, что происходит внутри дупла.

- Анника! - донёлся до неё голос Томми. - Знаешь, как здесь здорово!.. Лезь в дупло! Это ни капельки не страшно... Тут, внутри, лестница... Если заберёшься сюда, то больше ни во что другое играть не захочешь.

- Ну да? Правда?

- Честное слово!

Аника снова полезла на дерево и с помощью Пеппи добралась до отверстия дупла, но, увидев, какая там темень, невольно отшатнулась. Пеппи, крепко схватив Аннику за руку, принялась её успокаивать.

- Да ты не бойся, Анника, - раздался в дупле голос брата. - Если сорвёшься, я тебя подхвачу.

Но Анника не упала, а вполне благополучно спустилась по лестнице к Томми. Через минуту рядом с ними оказалась и Пеппи.

- Ну разве тут не здорово! - воскликнул Томми.

Аника не могла не согласиться с братом. В дупле оказалось вовсе не так темно, как она думала. Сквозь трещины в коре туда проникал свет. Анника подошла к одной из таких щелей, чтобы проверить, виден ли отсюда кофейник.

- Теперь у нас есть настоящий тайник, - сказал Томми. - Никто никогда не узнает, что мы здесь находимся. И если люди придут нас искать, мы сможем отсюда наблюдать за ними. Вот будет здорово!..

- А ещё, - перебила его Пеппи, - мы возьмём длинный прут, просунем его вот сюда и будем колоть всех, кто приблизится к дереву. И люди подумают, что в дубе живёт привидение.

Это предложение им так понравилось, что все трое принялись скакать на месте и обнимать друг друга. Но тут раздались удары гонга: Томми и Аннику звали к обеду.

– Как жалко, – сказал Томми, – надо идти домой. Но завтра, как только мы вернёмся из школы, мы залезем сюда.

– Ладно, – сказала Пеппи.

И они поднялись по лестнице. Сперва Пеппи, за ней Анника и последним Томми. А затем спрыгнули с дерева. Сперва Пеппи, за ней Анника и последним Томми.

Как Пеппи устраивает экскурсию

– Сегодня мы не учимся, – сказал Томми, – у нас в школе санитарный день.

– Как?! – воскликнула Пеппи. – Снова несправедливость. Почему у меня нет никакого санитарного дня? А он мне так нужен! Вы только посмотрите, какой грязный пол на кухне. Впрочем, я могу его вымыть и без санитарного дня. Сейчас я этим займусь! Хотела бы посмотреть на того, кто помешает мне это сделать. А вы, ребята, садитесь-ка на кухонный стол и не путайтесь под ногами.

Томми и Анника послушно забрались на стол. Туда же прыгнул Господин Нильсон – он любил спать, свернувшись клубочком, на коленях Анники. Пеппи согрела большой котёл воды и недолго думая вылила горячую воду прямо на пол. Потом она разулась, а свои огромные чёрные туфли аккуратно поставила на хлебницу. Привязав к каждой ноге по щётке, она принялась разъезжать по полу, скользя по воде, словно на водных лыжах.

– Когда я мою пол, мне всегда кажется, что я чемпионка по фигурному катанию, – сказала она и так высоко задрала левую ногу, что щётка сорвалась с ноги и отбила край стеклянного абажура висячей лампы. – Уж чего-чего, а изящества и грации у меня хоть отбавляй! – добавила она и перепрыгнула через спинку стула. – Вот и всё, – сказала Пеппи несколько минут спустя и отвязала вторую щётку. – Теперь на кухне чисто.

- Как, ты не протрёшь пол тряпкой? – с удивлением спросила Анника.

- Нет, зачем, пусть высохнет на солнышке... Думаю, он не простудится...

Томми и Анника спрыгнули со стола и осторожно, чтобы не замочить ноги, вышли из кухни.

Небо было удивительно голубым, и солнце ярко сияло, хотя сентябрь был в разгаре. День выдался на редкость ясный, так и тянуло пойти в лес. Вдруг Пеппи предложила:

- Давайте возьмём Господина Нильсона и пойдём на экскурсию.

- Давайте! Давайте! – восторженно закричали Томми и Ан-ника.

- Тогда сбегайте поскорее домой и отпроситесь у мамы. А я тем временем соберу в дорогу корзиночку с едой.

Томми и Анника так и сделали. Они сбегали домой и вскоре вернулись. Пеппи уже ждала их у калитки. В одной руке она держала здоровенную палку, в другой – корзинку с провизией, а на плече у неё восседал Господин Нильсон.

Сначала ребята шли по шоссе. Затем свернули на луг. За лугом среди берёз и кустов орешника вилась манящая тропинка. Так не спеша они дошли до изгороди, за которой виднелась ещё более привлекательная лужайка. Но у самой калитки стояла корова, и по всему было видно, что она не намерена сдвинуться отсюда ни на шаг. Анника, конечно, испугалась, и тогда Томми мужественно подошёл к корове и попытался её прогнать. Но корова даже не шелохнулась и только пялила на ребят свои большие навывкате глаза. Пеппи надоело ждать, она поставила корзинку на траву, подошла к корове и так сильно толкнула её, что корова без оглядки умчалась в орешник.

- Подумать только – корова, а упряма как осёл! – сказала Пеппи и перепрыгнула через изгородь.

- Ой, какая красивая лужайка! – воскликнула Анника и побежала вприпрыжку по траве.

Томми вынул перочинный ножик – подарок Пеппи – и срезал себе и Аннике по палочке. Правда, при этом он поранил себе палец, но сказал, что это пустяки.

– Давайте собирать грибы, – предложила Пеппи и сорвала красивый красный мухомор. – Не знаю точно, съедобен ли этот гриб. Но я считаю так: раз его нельзя пить, то, значит, можно есть. А что с ним ещё делать?

Она откусила большой кусок гриба и принялась его жевать.

– Правда, очень вкусно! Но давайте лучше собирать грибы в другой раз, – сказала она весело и закинула мухомор высоко-высоко, даже выше деревьев.

– Что у тебя в корзинке, Пеппи? – спросила Анника.

– А вот этого я тебе не скажу ни за что на свете, – ответила Пеппи. – Сперва мы должны найти подходящее местечко для пикника.

Они разбрелись в поисках подходящего местечка. Анника предложила расположиться у большого плоского камня.

– Здесь очень уютно, – сказала она.

– Но здесь полно красных муравьёв, а есть вместе с ними я не намерена, потому что я с ними не знакома, – возразила Пеппи.

– Да к тому же они здорово кусаются, – добавил Томми.

– Верно! – подхватила Пеппи. – И думаю, что лучше кусать самим, чем быть искусанными. Нет, тут для моих веснушек мало солнца. А что может быть лучше веснушек!

Ребята пошли дальше и вскоре увидели довольно высокий холм, на который они без труда взобрались. На вершине его была небольшая площадка, похожая на террасу, словно специально сделанная. Там они и решили остаться.

– Закройте глаза, пока я буду играть в скатерть-самобранку.

Томми и Анника зажмурились. Они слышали, как Пеппи откинула крышку корзинки и зашелестела бумагой.

- Раз, два, три - смотри! - крикнула Пеппи.

Томми и Анника открыли глаза и закричали от восторга, увидев все припасы, которые Пеппи разложила на камне. Два огромных бутерброда, один с биточками, другой с ветчиной, целую гору посыпанных сахаром оладий, несколько ломтиков копчёной колбасы и три маленьких ананасовых пудинга. Ведь Пеппи училась готовить у кока на корабле.

- Эх, красота, когда бывает санитарный день, - с трудом произнёс Томми, так как рот его был набит оладьями. - Вот был бы каждый день санитарным!

- Нет, так часто мыть пол я не согласна, - сказала Пеппи. - Конечно, это весело, не спорю, но каждый день всё же утомительно.

В конце концов они так наелись, что были уже не в силах пошевелиться, и молча грелись на солнышке.

- Не думаю, что летать так уж трудно... - проговорила вдруг Пеппи, задумчиво поглядывая с холма в лощину: тропинка круто сбегала по склону вниз, и до лужайки было далеко. - Я просто уверена, что можно научиться летать, - продолжала Пеппи. - Конечно, шлёпнуться на землю не сладко, но ведь не обязательно начинать сразу с большой высоты. Честное слово, я сейчас попробую.

- Нет, Пеппи, пожалуйста, не надо! - испуганно крикнули Томми и Анника. - Пеппи, миленькая, не делай этого!

Но Пеппи уже стояла у края обрыва.

- «Гуси, гуси!» - «Га-га-га!» - «Есть хотите?» - «Да-да-да!» - «Ну, летите, как хотите!» И гуси полетели.

Когда Пеппи сказала: «И гуси полетели!», она взмахнула руками и прыгнула с холма. Через полсекунды раздался глухой удар - Пеппи шлёпнулась на землю.

Томми и Анника, лёжа на животе, с ужасом смотрели вниз. Но Пеппи тотчас вскочила на ноги и потёрла ушибленные коленки.

– Я не махала крыльями! Забыла! – весело объяснила она. – А кроме того, я отяжелела от оладьев.

И только тут ребята спохватились, что Господин Нильсон исчез. Было ясно, что он решил предпринять самостоятельную экскурсию. Ещё несколько минут назад он сидел неподалёку и весело теребил прутьи корзинки. А когда Пеппи решила учиться летать, они о нём забыли. И теперь Господина Нильсона и след простыл. Пеппи так огорчилась, что швырнула одну туфлю в глубокую канаву с водой.

– Не надо, никогда не надо брать с собой обезьяну, если куда-нибудь идёшь! Почему я не оставила Господина Нильсона дома? Сидел бы себе там вместе с лошадью. Это было бы только справедливо, – сказала Пеппи и полезла в канаву за туфлём. – Воды там оказалось по пояс. – Ну, уж раз такое дело, придётся окунуться с головой.

Пеппи нырнула и так долго сидела под водой, что пошли пузыри. Наконец она вынырнула.

– Ну вот, теперь можно не ходить к парикмахеру мыть голову, – сказала она, отфыркиваясь. Вид у неё был очень довольный.

Пеппи вылезла из канавы и обулась. Затем все отправились на поиски Господина Нильсона.

– А я теперь похожа на дождик, – сказала вдруг Пеппи. – С платья капает: кап-кап! В туфлях хлюпает: хлюп-хлюп... До чего же приятно! И ты, Анника, попробуй нырни!

Аника выглядела так нарядно: на ней было розовое платьице, которое очень шло к её золотистым локонам, а на ногах – белые кожаные туфельки.

– Обязательно, только в другой раз, – лукаво ответила она.

Ребята пошли дальше.

– Ну как мне не сердиться на Господина Нильсона? Всегда с ним так. Однажды в Сарабайе он вот так же удрал от меня и поступил в услужение к одной старой вдове... Ну насчёт вдовы я, конечно, придумала, – добавила Пеппи, помолчав.

И тут Томми предложил разойтись всем в разные стороны. Анника испугалась было идти одна, но Томми сказал:

– Ах ты, трусиха!

Не желая больше подвергаться насмешкам, Анника покорно, но нехотя побрела одна по тропинке, а Томми пошёл по лугу. Господина Нильсона он не нашёл, зато увидел огромного быка – вернее, бык увидел Томми. И Томми быку не понравился. Это был злой бык, и детей он терпеть не мог. Бык опустил голову и с рёвом бросился на Томми. Томми заорал на весь лес. Пеппи и Анника услышали крик и побежали на выручку. И они увидели, как бык поднял Томми на рога и очень высоко его подбросил.

– Вот глупая скотина, – сказала Пеппи Аннике, которая горько плакала. – Разве так себя ведут! Гляди, он запачкал белую матроску Томми! Придётся мне с ним потолковать, поучить его уму-разуму.

Пеппи подбежала к быку и схватила его за хвост.

– Простите, если я вам помешала, – сказала она.

Сперва бык не обратил на неё никакого внимания, но Пеппи дёрнула посильнее. Тогда бык обернулся и увидел девочку, которую ему тоже захотелось вздёрнуть на рога.

– Повторяю, прошу простить меня, если я помешала. Простите меня столь великодушно и за то, что я вынуждена вас ударить... – С этими словами Пеппи изо всех сил стукнула быка кулаком по рогу. – В этом сезоне не модно носить два рога. Все лучшие быки уже перешли на один рог, а кое-кто и вовсе отказался от рогов, – закончила она и ударила по другому рогу.

Так как у быков рога боли не чувствуют, наш бык не знал, есть ли у него ещё рога или нет. На всякий случай он всё же решил пободаться, и, будь на месте

Пеппи кто-нибудь другой, от него осталось бы мокрое место.

- Ха-ха-ха! Перестаньте меня щекотать! – смеялась Пеппи. – Вы даже представить себе не можете, как я боюсь щекотки. Ха-ха-ха! Перестаньте! Перестаньте, не то я сейчас умру от смеха.

Но бык не внял её просьбе, и Пеппи пришлось вскочить ему на спину, чтобы хоть минутку передохнуть. Но передышки никакой не получилось, потому что быку не понравилось, что Пеппи уселась на него верхом. Он принялся скакать, лягаться, задирать голову и крутить хвостом, всячески пытаясь освободиться от своей ноши. Но Пеппи впилась пятками в бока и цепко держалась за холку. Бык как бешеный носился по лугу и мычал. Ноздри его раздувались, а Пеппи хохотала, и кричала, и махала Томми и Аннике, которые дрожали от страха. А бык продолжал метаться, всё ещё надеясь скинуть Пеппи.

- Ах, мой милый, попляши и копытцами стучи! – напевала Пеппи, крепко сидя на спине у быка.

Наконец бык так устал, что лёг на траву, мечтая только об одном: чтобы все дети исчезли с лица земли. Прежде он даже не представлял себе, что с детьми так трудно справиться.

- Ах, вам захотелось вздремнуть? – дружелюбно спросила его Пеппи. – Что ж, тогда я не буду мешать.

Она соскочила со спины быка и направилась к стоящим поодаль Томми и Аннике. Томми перестал плакать; падая, он ободрал кожу на руке, но Анника перевязала ему ранку платком, и она уже не болела.

- О Пеппи!.. – горячо воскликнула Анника, когда Пеппи подошла к ним.

- Тише, – сказала Пеппи шёпотом, – не буди быка, а то он проснётся и будет капризничать. Господин Нильсон! Господин Нильсон! – заорала она во всё горло, ничуть не боясь потревожить сон быка. – Нам пора домой!

И вдруг дети увидели Господина Нильсона. Он сидел на верхушке сосны и тщетно пытался поймать свой хвост. Выглядел он весьма печально. И в самом

деле, не очень-то приятно такой маленькой обезьянке оказаться одной в лесу. Он мигом спустился с сосны, уселся к Пеппи на плечо и, как всегда в порыве радости, принялся размахивать своей соломенной шляпой.

– Значит, на этот раз ты не нанялся в услужение к престарелой вдове? Правда, это враньё. Но ведь правда не может быть враньём, к тому же Господин Нильсон прекрасно умеет готовить мясные тефтели, прямо всем на удивление, – сказала вдруг Пеппи.

Ребята решили возвращаться домой. С платья Пеппи по-прежнему капала вода – кап-кап, а в туфлях по-прежнему хлюпало – хлюп-хлюп. Томми и Анника считали, что, несмотря на приключения с быком, они прекрасно провели день, и запели песню, которую разучивали в школе. Собственно говоря, это была летняя песня, а теперь уже стояла осень, но тем не менее им казалось, что она подходит для такого случая. Пеппи тоже пела, но так как не знала слов, она сама их выдумывала.

Как Пеппи идёт в цирк

Вмаленький городок, где жили Пеппи, Томми и Анника, приехал цирк, и все дети стали просить у своих пап и мам денег на билеты. Точно так же поступили Томми и Анника; их папа тут же вынул из кошелька несколько блестящих серебряных крон.

Зажав деньги в кулак, Томми и Анника со всех ног бросились к Пеппи. Они застали её на террасе возле лошади.

Хвост лошади был заплетён во множество тоненьких косичек, которые Пеппи украшала красными розочками.

– Сегодня, если не ошибаюсь, день её рождения, и она должна принарядиться, – пояснила Пеппи.

– Пеппи, – сказал Томми, задыхаясь от быстрого бега, – ты пойдёшь с нами в цирк?

– С вами я готова пойти хоть на край света, но вот пойду ли я в сырк, мне сказать трудно, потому что я не знаю, что это за штука такая – сырк? Там не лечат зубы? Если лечат, не пойду.

– Что ты, глупенькая, никаких зубов там не лечат. Это самое прекрасное место на земле. Там лошади и клоуны и красивые дамы ходят по канату!..

– Но за это надо платить деньги, – сказала Анника и разжала кулак, чтобы посмотреть, не потеряла ли она блестящую двухкрановую и две пятиэровые монетки, которые дал ей папа.

– Я богата, как Кощей Бессмертный, и наверняка смогу купить себе этот самый сырк. Правда, если я буду держать ещё несколько лошадей, то в доме станет, пожалуй, тесновато. Клоунов и дам я как-нибудь размещу, а вот с лошадьми дело будет хуже...

– Да как ты не понимаешь, – перебил её Томми, – никакого цирка тебе покупать не придётся. Деньги платят, чтобы смотреть...

– Этого ещё не хватало! – возмутилась Пеппи и быстро закрыла глаза. – За то, чтобы смотреть, надо платить деньги? А я ведь целыми днями только и делаю, что глазею по сторонам. Никогда не сосчитать, на сколько денег я уже всего нагляделась.

Но через несколько секунд Пеппи осторожно приоткрыла глаза – она так крепко зажмурилась, что у неё закружилась голова.

– Ладно! – воскликнула она. – Пусть сто?ит, сколько сто?ит. Я не могу ничего не видеть!

Наконец Томми и Анника кое-как втолковали Пеппи, что такое цирк, и тогда Пеппи вынула из своего кожаного чемодана несколько золотых монет. Затем она надела шляпу величиной с мельничное колесо и вместе со своими друзьями отправилась в цирк.

У входа в цирк толпились люди, а у билетных касс стояли очереди. Когда Пеппи подошла к кассе, она просунула голову в окошечко и, увидев там милую

пожилую даму, спросила:

– Сколько стоит на тебя посмотреть?

Но дама была иностранка, она не поняла, что у неё спрашивает Пеппи, и ответила на ломаном языке:

– Дефочка, лютший мест – пять крон, другая места – три крон, а один мест стоят одна крон.

– Хорошо, – сказала Пеппи, – но ты должна мне обещать, что будешь ходить по канату.

Через плечо Пеппи Томми увидел, что она берёт билет за три кроны. Пеппи протянула кассирше золотую монету, и пожилая дама с недоверием посмотрела сперва на девочку, потом на монету. Она даже попробовала монету на зуб, чтобы проверить, не фальшивая ли она. Убедившись, что монета действительно золотая, кассирша дала Пеппи билет и сдачу – множество никелевых монеток.

– Да что я буду делать с этой кучей тусклых денежек? Возьми их себе, тогда я смогу посмотреть на тебя два раза, пусть хоть стоя, – сказала Пеппи.

Так как Пеппи наотрез отказалась брать какую-либо сдачу, кассирше пришлось обменять её билет на пятикроновый, да к тому же дать пятикроновые билеты Томми и Аннике, не взяв с них ни эре доплаты.

Вот как получилось, что Пеппи и её друзья уселись на самые лучшие места – на кресла, обитые красным бархатом, сразу же за барьером арены. Томми и Анника вертелись, оглядывались по сторонам и махали своим школьным товарищам, которые сидели значительно дальше.

– Что за странная юрта? – спросила Пеппи, с удивлением рассматривая цирк. – И опилки кто-то рассыпал по полу. Я не такая чистюля, но, право, это уж слишком!

Томми объяснил Пеппи, что опилками посыпают арену во всех цирках мира, чтобы лошадям было удобнее бегать и прыгать.

На балкончике сидели музыканты, которые вдруг громко заиграли марш. Пеппи бешено захлопала в ладоши и даже несколько раз подпрыгнула на месте от радости.

– А за музыку тоже надо платить или можно слушать её бесплатно? – спросила она.

Как раз в эту минуту из-за занавески, перекрывающей артистический вход, показался директор цирка. На нём был чёрный фрак, и в руке он держал длинный хлыст. Вслед за ним на арену выбежали две белые лошади с красным плюмажем на головах. Директор щёлкнул хлыстом, и лошади стали передними ногами на барьер. Одна из лошадей оказалась рядом с детьми. Аннике не понравилось это соседство, и она прижалась к самой спинке своего кресла. А Пеппи наклонилась вперёд и, охватив обеими руками лошадиное копыто, сказала:

– Здравствуй, лошадь! Я могу передать тебе привет от моей лошади. У неё сегодня тоже день рождения, но я ей украсила розочками не голову, а хвост...

Однако Пеппи пришлось тут же выпустить копыто, потому что директор снова щёлкнул хлыстом, и лошади, спрыгнув с барьера, опять помчались по кругу.

Когда номер закончился, директор вежливо поклонился, и лошади тоже склонили свои украшенные плюмажем головы. И тотчас снова дрогнула занавеска у выхода, и на арену выскочила чёрная как смоль лошадь, а у неё на спине стояла красивая девушка в зелёном шёлковом трико. Звали её мисс Карменсита, как было написано в программе. Лошадь мчалась вдоль барьера, а мисс Карменсита спокойно стояла и улыбалась. Но вдруг, в тот момент, когда лошадь проносилась мимо места, где сидела Пеппи, в воздухе что-то мелькнуло. Этим что-то была сама Пеппи. Она вскочила на спину лошади и стала за мисс Карменситой. Мисс Карменсита так удивилась, что чуть было не свалилась на землю. Затем она рассердилась и стала размахивать руками, стараясь спихнуть Пеппи, но это ей не удавалось.

– Нет уж, – кричала ей Пеппи, – теперь я тоже немного позабавлюсь! Ты думаешь, только тебе хочется ездить верхом. Все заплатили деньги, не ты одна!

Тогда мисс Карменсита сама решила спрыгнуть с лошади, но и это ей не удалось, потому что Пеппи крепко держала её обеими руками. А публика так и покатывалась со смеху: очень уж забавно выглядит мисс Карменсита с этим рыжим вихрастым существом в огромных чёрных туфлях, видно, специально обутых для выступления в цирке! Но директор цирка не смеялся, он знаком приказал служителям в красных униформах остановить лошадь.

- Неужели номер уже кончился? – спросила Пеппи. – Как жалко, нам было так весело!

- Противная мальчишка, убирался вон с мой цирк! – процедил сквозь зубы директор.

Пеппи с укоризной взглянула на него:

- Чего ты на меня сердишься?.. Я думала, все пришли сюда, чтобы веселиться. Разве не так? – спросила она.

Пеппи спрыгнула с лошади и села на своё место, но к ней подошли два униформиста. Они схватили её за руки и хотели было вывести из цирка, но у них ничего не вышло. Пеппи так прочно уселась в кресло, что не было никакой возможности оторвать её от сиденья. Служители попытались поднять её ещё раз, потом пожали плечами и отошли в сторону.

Тем временем начался следующий номер. На арене появилась мисс Эльвира и направилась к натянутому канату. На ней было роскошное розовое платье, а в руке она держала зонтик. Мелкими изящными шажками прошла по канату, а потом принялась выделывать разные акробатические трюки. Это был очень красивый номер. В заключение мисс Эльвира удивила публику тем, что пошла назад, пятясь словно рак. Когда она очутилась наконец на маленькой площадке, от которой был протянут канат, там уже стояла Пеппи.

- Ну а теперь дай и мне походить, всем надо по очереди, – твёрдо сказала девочка, заметив удивлённый взгляд мисс Эльвиры.

Мисс Эльвира ничего не ответила, она спрыгнула вниз и бросилась на шею директору цирка, который был, как оказалось, её отцом. И снова директор цирка послал служителей в красных униформах, на этот раз пять человек, чтобы выдворить Пеппи из цирка. Но тут публика стала кричать: «Пусть выступает эта рыжая девочка!» – и все застучали ногами и захлопали в ладоши.

Пеппи пошла по канату. И все увидели, что мисс Эльвира ничего не стоит по сравнению с ней. Когда она дошла до середины каната, то так задрала ногу, что носок туфли повис над её головой, словно навес. Затем она сделала «пистолет» и начала крутиться на одной ноге.

Но директор цирка вовсе не был рад, что у него выступает Пеппи. Он хотел лишь одного: избавиться от неё любыми способами. Он подошёл к механизму, который натягивает канат, и повернул рычаг. Он рассчитывал, что Пеппи упадёт, когда канат ослабнет. Но этого не случилось. Канат повис, но тогда Пеппи стала раскачиваться на нём, как на качелях. Она взлетала всё выше и выше и вдруг спрыгнула прямо на спину директора. От неожиданности он так испугался, что завертелся волчком на месте.

– Вот так лошадка! – весело закричала Пеппи. – Только почему-то без красных перьев на голове!

Однако Пеппи решила, что ей пора уже вернуться к Томми и Аннике. Она спрыгнула со спины директора и чинно села на своё место, ожидая начала следующего номера. Но директор задержался за кулисами: после всего случившегося ему необходимо было выпить стакан воды и привести в порядок свой костюм и причёску. Затем он вышел к публике, поклонился и сказал:

– Мою уважаемый дам и господа! Сейчас ви увидайт одно чудо природы. Самый сильный челофек на сфете! Силач Адольф, которофо никто никогда не побеждал! Внимание, идёт Адольф!

Заиграла музыка, и на манеж выскочил здоровенный детина в трико телесного цвета, украшенном блёстками. Шкура леопарда красовалась на его плечах. Адольф поклонился публике с самодовольной улыбкой.

– Обратит вниманий на его мускуль, – сказал директор и похлопал силача по плечу – мускулы на его руках вздувались как бильярдные шары. – Теперь, многоуважаемый дам и господа, я имею сделайт фам один интересный предложений: тот ис фас, кто будит побеждайт силач Адольф, получайт сто крон. Принимайт вызоф силача Адольфа и – сто крон фаши!

Но никто не вышел на арену.

– Почему он говорит так непонятно? Что он сказал? – спросила Пеппи.

– Он говорит, что даст сто крон тому, кто победит этого верзилу, – пояснил Томми.

– Я могу, конечно, положить его на обе лопатки, – сказала Пеппи. – Но, по-моему, не стоит – он так мило выглядит.

– Да что ты, Пеппи, хвастаешься! Ведь он самый сильный парень на свете, – прошептала Анника.

– Верю. Ну а я самая сильная девочка на свете, – возразила Пеппи. – Не забывай этого!

А силач Адольф тем временем поднимал тяжёлые гири и гнул куски железных рельсов, чтобы доказать, какой он сильный.

– Так что ж, господа, – кричал директор цирка, – неужель не найдётся такой смельчак, кто будет принимайт вызоф Адольфа? Что ж, тогда я буду прятайт эти сто крон! – закончил он, размахивая стокроновой бумажкой.

– Нет, этого я не могу допустить, – решительно сказала Пеппи и перепрыгнула через барьер на арену.

Когда директор опять увидел Пеппи, он пришёл в неопишующую ярость.

– Исчезни!.. Чтобы мой глаз тебя больше не видайт! – закричал он.

– Почему ты так плохо ко мне относишься? – с упрёком спросила Пеппи. – Я ведь только хочу помериться силами с Адольфом.

– Этот дрянной дефочка не знайт стыда! – вопил директор. – Убирайся! Иначе силач Адольф будет стирайт тебя в порошок!..

Но Пеппи, не обращая внимания на директора цирка, подошла к силачу Адольфу, взяла его за руку и сердечно пожала её.

– Ну, давай поборемся один на один, – сказала она.

Силач Адольф, ничего не понимая, тарацил на неё глаза.

– Имей в виду, через минуту я начну без предупреждения, – заявила Пеппи.

Так она и сделала. Когда прошла минута, Пеппи набросилась на силача Адольфа, и... никто не заметил, как это получилось... но все увидели, что Адольф лежит, растянувшись на ковре. Силач тут же вскочил на ноги. Он был пунцово-красный.

– Ур-ра, Пеппи! – кричали Томми и Анника.

И вслед за ними начали кричать и все зрители:

– Ур-ра, Пеппи! Ур-ра, Пеппи!

Директор цирка сидел на барьере арены и от злости кусал губы. Но ещё больше директора злился силач Адольф. За всю жизнь он ещё не переживал такого позора. Сейчас он покажет этой рыжей девчонке, чего он стоит! Адольф кинулся на Пеппи, обхватил её своими мускулистыми ручищами и попытался свалить на землю, но Пеппи стояла твёрдо, как скала.

– Ну-ка, ну-ка, ещё разок, давай жми! – подбадривала она Адольфа.

Но вот Пеппи вырвалась из его объятий, и через мгновение Адольф уже снова лежал на ковре. Пеппи стояла возле него и ждала. Долго ей ждать не пришлось. С яростным криком Адольф вскочил на ноги и ещё раз накинулся на Пеппи.

- Гили-дили-дили-пом! – воскликнула Пеппи.

А все люди в цирке подбрасывали в воздух свои шапки, стучали ногами и вопили во всю мочь:

- Ура, Пеппи! Ура, Пеппи!

Когда силач Адольф в третий раз налетел на Пеппи, она подбросила его в воздух, поймала на лету и на поднятой руке обнесла вокруг арены. Затем Пеппи снова швырнула его на ковёр и, придерживая коленкой, чтобы он не встал, сказала:

- Ну, малыш, я думаю, больше мне с тобой возиться не стоит. Во всяком случае, веселее уже не будет.

- Пеппи победила! Пеппи победила! – кричала публика.

Силач Адольф позорно бежал с арены, а директор цирка был вынужден протянуть Пеппи стокроновую бумажку, хотя при этом вид у него был такой, словно он хотел съесть девочку.

- Пожалуйста, милый барышень, возьмите ваши сто крон.

- На что мне нужна эта бумажка? Сунь её себе в карман, если хочешь.

И Пеппи села на своё место.

– Этот цирк скучный, – сказала она Томми и Аннике, – а вздремнуть никогда не вредно. Но если понадобится моя помощь, разбудите меня.

Пеппи устроилась поудобнее в кресле и заснула. Так она сладко похрапывала, пока клоуны, шпагоглотатели и гуттаперчевые люди показывали своё искусство для Томми, Анники и всех других зрителей.

– Но всё же я считаю, что лучшим номером был номер Пеппи, – сказал Томми, обращаясь к Аннике.

Как к Пеппи забираются воры

После выступления Пеппи в цирке во всём маленьком городке не осталось ни одного человека, который не слышал бы о её невероятной физической силе. О ней даже в газетах писали. Но люди из других городов не знали, конечно, что за удивительная девочка Пеппи.

Однажды тёмным осенним вечером двое бродяг шли мимо виллы «Курица». Это были настоящие воры – они бродили по стране, чтобы высмотреть, где что можно украсть. Увидев свет в окнах у Пеппи, они решили войти и попросить по куску хлеба с маслом. И надо же было случиться, что как раз в тот вечер Пеппи высыпала из своего кожаного чемодана прямо на пол все золотые монеты и пересчитывала их. Монет было столько, что Пеппи их всё равно никогда не смогла бы пересчитать. Но она всё же пыталась это сделать – для порядка.

– Семьдесят пять, семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять, семьдесят одиннадцать, семьдесят двенадцать, семьдесят тринадцать, семьдесят семнадцать... Ой, как у меня устала шея!.. Наверное, когда такая куча золота, люди как-то по-другому считают, а то разве можно сосчитать столько денег. До чего же их много – то ли четыреста, то ли тысяча монет!

Как раз в этот момент раздался стук в дверь.

– Хотите – входите, не хотите – не входите, поступайте как хотите! – крикнула она.

Дверь открылась, и воры вошли в комнату. Можете себе представить выражение их лиц, когда они увидели рыжую девочку, которая, сидя на полу, пересчитывала золотые монеты.

– Ты что, одна дома? – спросил её один из них, когда к нему вернулся дар речи.

– Вовсе нет, – ответила Пеппи, – Господин Нильсон тоже здесь.

Откуда вора́м было знать, что Господин Нильсон – это маленькая обезьянка, которая в это время как раз крепко спала в своей деревянной кроватке, выкрашенной в зелёный цвет? Они, конечно, подумали, что Господин Нильсон – это хозяин дома, и понимающе перемигнулись, как бы говоря друг другу: «Что ж, мы заглянем сюда попозже».

– Мы зашли к тебе узнать, который час, – сказал другой вор.

Они так разволновались при виде золотых монет, что даже не попросили хлеба.

– А вы сперва отгадайте загадку, – сказала Пеппи. – «Идут, идут, а с места не сойдут» – что это такое? А если вы знаете какие-нибудь загадки, вы мне тоже загадайте...

Воры решили, что Пеппи слишком мала, чтобы ответить, который час. И, не говоря ни слова, повернули к дверям и ушли.

– Эх вы, здоровенные дяди, а не смогли отгадать, что это часы. Ну и уходите, пожалуйста! – крикнула им вслед Пеппи и занялась своими монетами.

А воры стояли на улице и потирали руки от удовольствия.

– Видел ли ты когда-нибудь столько денег? – спросил один другого. – Вот это да!

– Сегодня нам здорово повезло, – подхватил другой.

– Подождём немного, пока девочка и этот господин Нильсон заснут, а потом залезем к ним в дом и унесём все деньги.

Воры уселись поудобнее в саду и принялись ждать. Вскоре пошёл проливной дождь, они промокли до нитки, к тому же их мучил голод. Одним словом, им было не очень-то уютно, но мысль о предстоящей краже ободряла их.

Одно за другим гасли окна во всех окрестных домах, но в домике Пеппи огонь всё горел. Дело в том, что Пеппи решила сегодня во что бы то ни стало научиться танцевать твист и дала себе зарок не ложиться, пока не будет безошибочно выполнять все сложные фигуры этого танца. Но в конце концов и в её домике погас свет.

Воры повременили ещё немного, чтобы господин Нильсон успел крепко заснуть. Затем они бесшумно прокрались к чёрному ходу и вынули свои отмычки, собираясь взломать замок. Один из воров – его звали Блом – случайно нажал на дверную ручку. Оказалось, что дверь не заперта.

– Смотри, какие глупые люди, не запирают на ночь дверь, – прошептал Блом.

– Тем лучше для нас, – ответил его приятель по кличке Громила Карл.

Он зажёл фонарик и осветил кухню. Но на кухне они не нашли ничего для себя интересного. Тогда они двинулись в комнату, где спала Пеппи и стояла кукольная зелёная кровать Господина Нильсона.

Приоткрыв дверь, Громила осторожно заглянул в комнату: там было тихо и темно. Громила Карл стал шарить лучом фонарика по стенам. Когда луч упал на кровать Пеппи, то воры, к своему великому удивлению, увидели лишь две ноги, лежащие на подушке. Пеппи по обыкновению спала, положив на подушку ноги и укрывшись с головой одеялом.

– Это, видно, та самая девчонка, – прошептал Громила Карл Бло-му. – Она крепко спит. Интересно, а где же спит этот Ниль-сон?

– Господин Нильсон, с вашего разрешения, – раздался голос из-под одеяла, – я прошу называть его Господином Нильсоном. Он спит в зелёной кукольной кроватке.

Воры с перепугу хотели было немедленно бежать, но потом до них дошёл смысл слов Пеппи: господин Нильсон спит, оказывается, в кукольной кроватке! Они осветили карманным фонариком кроватку и спящую в ней обезьянку, укрытую одеялом.

Громила Карл не смог удержаться от смеха.

– Подумать только, Блом, – сказал он хохоча, – господин Нильсон – обезьяна. Ха-ха-ха! Обезьяна!

– А чем бы ты хотел, чтобы он был, – раздался опять голос Пеппи, – мясорубкой, что ли?

– А где твои папа и мама, девочка? – спросил Блом.

– Их никогда не бывает дома, – ответила Пеппи.

Громила Карл и Блом так удивились, что даже закудахтали.

– Послушай-ка, девочка, – сказал Громила Карл, – вылезай-ка из постели, мы хотим с тобой поговорить.

– Значит, вы всё-таки решили играть со мной в загадки? Что ж, тогда сперва отгадайте ту, что я вам уже загадала: «Идут, идут, а с места не сойдут».

Но Блом решительно подошёл к кровати и сдёрнул с Пеппи одеяло.

– Послушай, – сказала Пеппи, серьёзно глядя ему в глаза, – ты умеешь танцевать твист? Я вот сегодня научилась.

– Уж больно много ты задаёшь вопросов, – сказал Громила Карл. – А теперь мы тебя спросим: куда ты спрятала деньги, которые вечером пересчитывала на полу?

– Они в шкафу, в чемодане, – простодушно ответила Пеппи.

– Я надеюсь, ты не будешь ничего иметь против, если мы возьмём этот чемодан, малютка? – спросил Громила Карл.

– Пожалуйста, – сказала Пеппи.

Блом подошёл к шкафу и вынул чемодан.

– А теперь, надеюсь, и ты, малютка, тоже ничего не будешь иметь против, если я возьму назад свой чемодан? – спросила Пеппи.

Пеппи вскочила на ноги и подбежала к Блomu. Не успел он опомниться, как чемодан был уже в руках девочки.

– Брось шуточки шутить, малютка, – зло проговорил Громила Карл, – давай-ка сюда чемодан! – И он крепко схватил Пеппи за руку.

– А я как раз хочу с тобой пошутить! – воскликнула Пеппи и закинула Громилу Карла на шкаф.

Минуту спустя там оказался и Блом.

Тут оба вора не на шутку испугались – они поняли, что перед ними необычная девочка, но золото их так соблазняло, что они кое-как справились со своим страхом.

– Айда, Блом! – крикнул Громила Карл, и оба, спрыгнув со шкафа, набросились на Пеппи, которая всё ещё держала чемодан в руках.

Но Пеппи ткнула каждого указательным пальцем, и воры отлетели в разные углы комнаты. Прежде чем они успели подняться с пола, Пеппи схватила длинную верёвку и в два счёта связала им руки и ноги. Тут наши воры сменили, как говорится, пластинку.

– Милая, дорогая фрёкен, – сладким голосом произнёс Громила Карл, – прости нас, мы ведь только пошутили. Не делай нам ничего худого. Мы всего-навсего бедные, усталые бродяги. И зашли к тебе попросить хлеба.

Блом стал тоже молить о пощаде и даже пустил слезу.

Пеппи аккуратно поставила чемодан обратно в шкаф. Затем она обернулась к своим пленникам:

– Кто-нибудь из вас умеет танцевать твист?

– А то как же, – с готовностью отозвался Громила Карл, – мы оба умеем.

– Вот здорово! – воскликнула Пеппи и захлопала в ладоши. – Давайте потанцуем? Я как раз сегодня разучила этот танец.

– С удовольствием, – сказал Громила Карл. Но вид у него был несколько смущённый.

Тогда Пеппи принесла громадные ножницы и разрешила верёвку, которой были связаны воры.

– Но вот беда, нет музыки, – озабоченно сказала Пеппи. Однако тут же нашла выход. – Может, ты будешь играть на гребёнке с папиросной бумагой? – обратилась она к Блomu. – А я буду танцевать вот с этим. – Пеппи указала на Громилу Карла.

Блом, конечно, охотно взялся играть на гребешке, а Громила Карл – танцевать. Блом играл так громко, что его музыка была слышна во всём доме. Господин Нильсон проснулся и, приподнявшись на кровати, с удивлением глядел, как Пеппи кружится по комнате с Громиллой Карлом. Пеппи танцевала с таким азартом, будто от этого танца зависела её жизнь.

В конце концов Блом заявил, что больше не может играть на гребёнке, потому что губам очень щекотно. А Громила Карл, который весь день шатался по дорогам, сказал, что у него болят ноги.

– Нет, нет, дорогие мои, я не натанцевалась, ещё хоть немного, – сказала Пеппи и снова закружилась в танце.

И Блomu пришлось снова играть, а Громиле Карлу ничего не оставалось, как снова пуститься в пляс.

– О! Я могла бы танцевать до четверга, – сказала Пеппи, когда пробило три часа ночи, но, может, вы устали и хотите есть?

Воры в самом деле устали и хотели есть, но они не решались в этом признаться.

Пеппи вынула из буфета хлеб, сыр, масло, ветчину, кусок холодной телятины, кувшин молока, и все они – Блом, Громила Карл и Пеппи – уселись за кухонный стол и стали уплетать за обе щёки, пока не наелись до отвала. Остатки молока Пеппи вылила себе в ухо.

– Нет лучшего средства против воспаления уха, – пояснила она.

– Бедняжка, у тебя болит ухо? – воскликнул Блом.

– Нет, что ты, вовсе не болит, но ведь оно может заболеть.

В конце концов воры поднялись, горячо поблагодарили за еду и стали прощаться.

– Как я рада, что вы зашли ко мне! Вам в самом деле уже пора уходить? – огорчённо спросила Пеппи. – Я никогда не встречала человека, который лучше тебя танцует твист, – сказала она Громиле Карлу. – А ты, – обратилась она к Блomu, – должен почаще упражняться в игре на гребёнке, тогда губам не будет

щекотно.

Когда воры стояли уже в дверях, Пеппи дала каждому из них по золотой монете.

- Вы их честно заработали, - сказала она.

Как Пеппи приглашают на чашку кофе

Как-то раз мама Томми и Анники пригласила на чашку кофе несколько знатных дам. По этому случаю она пекла пироги и решила, что поступит справедливо, если разрешит и детям позвать в гости свою новую подругу. «Мне будет даже спокойнее, - подумала она. - Дети будут вместе играть и не станут отвлекать меня от гостей».

Когда Томми и Анника услышали, что им можно позвать к себе Пеппи, они пришли в неопиcуемый восторг и тут же побежали приглашать её в гости.

Они застали Пеппи в саду. Она поливала из старой заржавленной лейки последние чахлые осенние цветы. Моросил дождик, и Томми заметил, что в такую погоду цветы не поливают.

- Тебе легко говорить, - сердито возразила Пеппи, - а я, может быть, всю ночь не спала ни минуты и мечтала о том, как буду утром поливать клумбу. Неужели я допущу, чтобы моя мечта не осуществилась из-за какого-то паршивенького дождика! Нет! Этому не бывать!..

Но тут Анника сообщила радостную новость: мама приглашает Пеппи на чашку кофе.

- Меня? На чашку кофе? - воскликнула Пеппи и так разволновалась, что стала поливать вместо розового куста Томми. - Ой!.. Что же делать!.. Я так нервничаю!.. А вдруг я не сумею вести себя как надо?..

- Что ты, Пеппи, ты будешь прекрасно вести себя! - успокоила её Анника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/astrid-lindgren/peppi-dlinnyuchulok-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)